
УРОКИ ИСТОРИИ

«ТРОЦКИЙ И СТАЛИН: ДВА ЛИКА РЕВОЛЮЦИИ.

Размышления в связи со 130-летием

Льва Бронштейна и Иосифа Джугашвили»

(круглый стол в Государственной Думе 18.09.09 г.)

Бузгалин А.В., д.э.н., профессор МГУ

Троцкий и Сталин - две объективно противоречивых тенденций, порождённых Октябрьской революцией 1917 года.

Троцкий и Сталин являются скорее *персонификацией* двух объективно противоречивых тенденций, порождённых Октябрьской революцией 1917 года и продолженных в процессе «строительства социализма», чем *творцами* двух моделей развертывания противоречий генезиса «реального социализма. Их роль как личностей состоит в акселерации объективно возникших процессов. В случае со Сталиным эта связь проявилась особенно ярко: характерный для СССР 30-х – начала 50-х гг. особенно кровавый вариант воплощения объективной тенденции, представляющей мутацию ростков социализма, во многом связан с личностными качествами И. Джугашвили.

Октябрьская революция, как это неоднократно аргументировалось автором, была не следствием субъективных действий тех или иных политических фигур, а объективным следствием глубочайших противоречий монополистического капитализма (с характерным для него империализмом и колониализмом, мировыми войнами, национальным угнетением и т.п.). Эти противоречия закономерно вызвали волну социалистических интенций. Это были процессы революций, реформ, образования новых – «социалистических» - государств, формирования и деятельности общемировых левых организаций (II-ой и III-ий Интернационалы) и движений. В результате к 60-м гг. XX века левая тенденция стала одной из двух ведущих в мировом социальном процессе.

Наряду с этим в XX веке, особенно в странах с наиболее острыми социально-политическими предпосылками социалистических преобразований, не сложилось достаточных предпосылок для продвижения к «царству свободы», а не просто для антикапиталистических революций. Прежде всего, недостаточным был уровень развития Человека (содержание труда, уровень культуры, социально-политические параметры).

Это противоречие автор назвал «ловушкой XX века», породившей *мутантный социализм*.

Генезис *мутантного социализма* открывал три траектории своего развития:

(1) опережающая мутация, использующая энергию социального творчества для «достройки» недостающих культурных и материальных предпосылок и противоречиво, нелинейно, но прогрессирующая в направлении к «царству свободы» на основе, с одной стороны, энергии социального творчества, а с другой – использования (в подчиненном виде) наиболее прогрессивных форм позднего капитализма (в т.ч. рынка, институтов гражданского общества, парламентаризма и т.п.). Эта траектория была предложена Лениным и весьма специфически развивалась Троцким.

(2) Инволюция от опережающей мутации социализма к буржуазной системе (отчасти эта траектория в странном симбиозе с третьей была реализована в Югославии).

(3) Деформация ростков социализма при опоре на наиболее устойчивые (для социума, в котором эта траектория реализуется) – добуржуазные отношения (в наиболее явном виде была реализована в Китае).

В СССР с конца 20-х годов Сталин стал все более насаждать патриархально-насильственные (добуржуазные методы) сохранения системы. Отсюда приоритет государства, аппарата насилия (типичные для позднефеодальных и азиатских социумов), полукрепостнических (колхозы, прописка) и полурабских (использование в массовых масштабах труда заключенных) форм труда, патриархальности, великодержавного шовинизма и т.п. Однако энергия собственно социалистической тенденции (и внутри СССР, и в мире), с одной стороны, ограничивала Сталина в его инволюции к добуржуазным институтам, с другой – служила опорой для сохранения и развития страны: СССР как не-социалистическая система в XX веке был бы уничтожен. Без опоры на действительный массовый подвиг коммунистов и всех тех, кто их поддерживал в СССР и в мире наша страна бы не выжила и тем более никогда не победила в мировой войне.

Итак, реальный путь СССР при Сталине – это постепенное затухание (но не исчезновение) социалистической тенденции при неравномерном нарастании консервативно-реакционных тенденций.

Поставим проблему: возможен ли был путь воплощения первой траектории в несколько деформированном виде – при периодическом скатывании к разворачиванию 2-й и/или 3-й траекторий при ограничении и изживании последних? Возможно ли было строительство социализма на базе широкого использования форм экономики солидарности и социально-ограниченного рынка, ассоциированных и переходных (вплоть до акционерной) форм собственности, преимущественно формально свободного труда и частно-государственно-общественного партнерства, самоуправления и низовой, базисной демократии?

На мой взгляд, именно этот путь (в ином категориальном выражении) предлагал в конце своей жизни В.И. Ульянов. К похожей модели склонялся, на сколько мне из-

вестно, Троцкий. Современный троцкизм предлагает именно такую программу социалистического строительства (в том числе и для среднеразвитых стран типа Венесуэлы).

Я уже не раз аргументировал ответ: да, возможен. Хотя в СССР он был бы гораздо более деформирован и близок к сталинизму, чем то, что начал делать в Чили 70-х Альендо, а на Кубе – Кастро и что пытается делать в Венесуэле Чавес. Причины большей деформированности возможной не-сталинской траектории СССР 20-30-х и последующих годов – гораздо менее благоприятные условия. За нами не стоял, как за Кубой 50-х, СССР, у нас не было нефти Чавесовской Венесуэлы и т.п.

Позволю себе спорное утверждение: успех социальных преобразований в условиях минимально благоприятных объективных предпосылок (как это и было в СССР) зависит от (1) энергии социального творчества масс, (2) наличия стратегии, которая едва ли не единственно дает шанс на успех, (3) гения, способного постоянно строить тактику исходя как из стратегии, так и из постоянно радикально изменяющихся условий, вплоть до смены стратегии и локальных целей при сохранении конечных целей и постоянном упорном возврате к их реализации и (4) гвардии талантливых людей, искренне и самозабвенно отдающих свою жизнь реализации цели.

Именно так осуществляют великие открытия, прорываются в космос, побеждают в битвах, где у противника многократный перевес в численности и вооружении...

Так стояла и проблема в условиях великой развилки 20-х годов в нашей стране. Существует известный вопрос: можно ли в свете сказанного считать только Троцкого продолжателем ленинской, большевистской тенденции в нашей стране?

С большими оговорками. Во-первых, сам Троцкий был далеко не столь последователен в своих шагах, как этого требовала реализация 1-й траектории. Смею утверждать, что он не был столь целостным, последовательным, героически целеустремленным и талантливым до гениальности, сколь это было необходимо для того, чтобы возглавить реализацию собственно социалистического проекта. Пройти по лезвию бритвы и реализовать с относительно небольшими человеческими и культурными потерями один шанс из 100 (или 1000) партия большевиков, Ленинская гвардия, могли, но если бы автором и лидером проекта оставалась фигура столь же мощная, как Ленин. Троцкий таким не был. И соратники Ленина, и «рядовые» коммунисты это чувствовали.

Что касается 3-й траектории в ее советском виде, то здесь главным субъектом были не ассоциированные граждане и *прогрессоры*, спаянные с гениальным творцом, а масса полу- и просто патриархальных мещан и паразитирующей на них бюрократии – «серые». В этом случае великая личность гениального социального творца-стратега была не только не нужна, но и вредна. Здесь был необходим исключительно тактик, способный использовать любые средства для того, чтобы (1) укреплялась вся пирамида «серых» и (2) самому победить и побеждать конкурентов в этой кровавой,

но, по сути, мышинной возне. Возне, жертвами которой стали многочисленные ростки живого социального творчества, пожранные мышинной массой. Для «серых» Сталин стал вполне адекватным воплощением-символом. А Джугашвили был едва ли не самой способной мышью и потому именно он оказался на вершине пирамиды. Далее вся масса «серых» оказалась заинтересована в сохранении символа-вождя (без него основанная на патриархальности и иерархическом подчинении добуржуазная мутация не может жить).

Один из парадоксов СССР состоял, однако, в том, что, как я уже отметил выше, вообще без социального творчества, в условиях абсолютного доминирования «серых» принципов, наша страна бы не выжила. Хитроумность Сталина и здесь сработала: он время от времени возвращал к жизни ростки живого социального творчества, укрепляя тем самым власть той пирамиды, символом которой он был.

Почему в современной России популярен Сталин и не популярен Троцкий?

Ответ на первую часть вопроса уже был дан (в частности, в нашей книге «Сталин и распад СССР»). Коротко суть ответа состоит в том, что распад СССР вызвал реверсивные («попятные») исторические процессы возрождения brutальных форм позднего капитализма, густо замешанных на позднефеодальных механизмах насилия, что оказалось системой, в чем-то сходной со сталинизмом. Но только там патриархальность, насилие и бюрократия сопрягались с социальным патернализмом, давая и некоторые блага народу, а сейчас они сопрягаются с капиталистическими формами подчинения труда и обеспечивают блага все больше сращенному с бюрократией капиталу (оговорюсь: формы прямого политического насилия нынче развиты гораздо слабее, чем в СССР 30-х гг., и это благо и для народа). В результате патерналистские формы поддержки «рядовых» граждан оказались разрушены, а сталинский контекст – воспроизведен, причем в форме уже не столько трагедии, сколько фарса. Кроме того, распад СССР больно ударил по закономерной патриотической гордости граждан СССР своей страной. Плюс не точное с содержательной точки зрения, но поверхностно очевидное отождествление действительных (и ныне как никогда очевидных) достижений СССР с личностью вождя...

Что же до непопулярности Троцкого, то она связана с рядом причин.

На поверхности – десятилетия лжи и дискредитации этого деятеля, замалчивание его действительной роли в революции и в жизни СССР 20-х гг., продолжившиеся и после распада СССР. Троцкого подавляющее большинство россиян не знает вообще, а большая часть того меньшинства, которое хоть что-то знает, «знает» преимущественно ложь.

Но глубже лежит более сложный комплекс параметров. Те, кто знает, кто такой Троцкий и сам стоит на позициях демократии и социализма – сознательно; те, кто почти ничего не знает о Троцком, но тянется к **не**-сталинскому социализму – бессоз-

нательно; но большинство и тех и других недолюбливает Троцкого. Недолюбливает за... недостаток того героизма и той гениальности, которые – без всякого ложного пафоса – единственно могли дать ВЕЛИКОЙ Октябрьской социалистической революции, ВЕЛИКОМУ подвигу большевиков и всех тех, кто отдавал жизни строительству социализма в нашей стране, шанс на победу пусть слабый, пусть далеко не всегда последовательной, но реальной демократической социалистической траектории. У нас этот шанс был. Троцкий не помог ему стать реальностью. *Такого* лидерам не прощают. И правильно.

«Хорош мужик, но не орёл».

Колганов А.И., д.э.н., профессор МФЮА

Я с самого начала хочу заявить, что я не согласен с постановкой вопроса, что в начале 20-х годов перед нами была развилка, и мы имели возможность выбирать: двигаться ли по пути получше или похуже. Ситуация была несколько другой – невозможно было создать принципиально разные экономические модели, одна из которых – открывала путь к построению нормального социалистического общества, а другая не открывала, хотя и решала другие задачи. Проблема заключалась в том, что СССР попал в ситуацию, когда построение целостного социалистического общества было просто невозможно. И большевистской партии с этой ситуацией что-то надо было делать. Именно вот этой объективной невозможностью определялась острота тех противоречий, которые раздирали партию и привели ее к расколу и гибели. К полной гибели, потому что та партия, которая под названием ВКП(б) существовала в 1939 году, уже была другая партия, с другой программой, с другими членами и другой реальной политикой. И с другим уставом. Раскол в ВКП(б) произошел потому, что ответы на вопрос: «Что же делать в сложившейся ситуации?» давались очень близкие. У нас обычно не принято обращать внимание на то, что позиции основных противоборствующих политических сил, в начале и в середине 20х годов были очень близкие. Те, кто это подмечает, иногда доходят до абсурда и говорят, что никаких реальных разногласий не было, а была просто «грызня» за власть. Это не так. Реальные разногласия были.

В ВКП(б) было три течения – большинство, которое возглавлял Сталин, левая оппозиция, которая не сводилась к троцкизму, потому что там были и такие полусталинские группировки, как «новая оппозиция», и гораздо более радикальные левые группы, чем троцкисты. И то течение, которое у нас обычно называют «правым уклоном». Оно как идеологическое течение существовало, но как политическая фракция оно не оформилось.

В чем состояла общность? Она выражалась в том, что все три течения понимали необходимость создания механизма жесткой и эффективной концентрации хозяйственных ресурсов, понимали необходимость быстро создания крупного общественно-

го земледелия, потому что без него не решить задачу индустриализации, они понимали необходимость культурной революции, потому что без этого также ничего сделать было нельзя. Все три течения сходились на том, что для решения этих задач большевистской партии необходимо удержать монополию на власть. Вот это была их общая платформа.

А дальше начинались разногласия - как это осуществить? Они разным образом отвечали на один очень принципиальный вопрос - о перспективах строительства социализма в СССР в условиях изоляции, т.е. можно ли построить социализм в одной отдельно взятой стране? Сталинское большинство отвечало категорически «да», Троцкий отвечал - «нет», Бухарин, так же как Сталин, отвечал - «да».

И отсюда вытекал целый ряд различных решений, которые влекли за собой целый ряд выводов и ответов на вопросы, которые стояли перед страной.

Сталин исходил из сложившихся фактов. Он прекрасно понимал, что рабочий класс утратил политическую и хозяйственную власть еще в ходе Гражданской войны, реальные попытки рабочего класса заявить свою претензию на власть в начале революции были, но в конце Гражданской войны от этого остались только символы. Поэтому Сталин естественно делал ставку на бюрократическую централизацию и политической и хозяйственной жизни. Основным средством концентрации хозяйственных ресурсов для индустриализации он считал жесткое изъятие ресурсов из деревни, не останавливаясь не перед чем. В несельскохозяйственных отраслях это было жесткое рacionamento, отсюда же вытекала и бюрократическая централизация партийного механизма.

Левая оппозиция тоже исходила из необходимости перераспределения ресурсов из деревни в пользу промышленности, как и Сталин. Теория первоначального социалистического накопления, которую развивал Преображенский, открыто об этом заявляла. Сталин открыто об этом не говорил вплоть до 29 года, а они заявляли об этом с самого начала, не лицемерили в этом смысле. Однако методы этого перераспределения, как и методы создания общественного хозяйства в деревне, и методы управления процессом индустриализации в промышленности, рассматривались ими иначе, чем Сталиным.

Левая оппозиция провозглашала не бюрократическую централизацию основным инструментом, а максимальное использование инициативы и самостоятельности рабочего класса. Соответственно она отвергала и бюрократическую централизацию внутри партии, хотя и не имела никакого ясного решения о степени допущения беспартийных к рычагам политической власти. Для нее было безусловным решением сохранение монополии большевиков на власть, но до какой степени можно считаться с политическими интересами беспартийных – вопрос решался разными лидерами левой оппозиции по-разному.

Сторонники «правого уклона» поддерживали Сталина в признании возможности построения социализма в СССР, но у них была другая экономическая программа, они считали, что необходимо обязательное поддержание компромисса интересов с крестьянством, медленное продвижение в сторону эволюции мелкого крестьянского хозяйства к общественным формам земледелия, обеспечение индустриализации первоначально лишь в меру поддержки крестьянского рынка и крестьянского спроса, а уж затем по мере развертывания общественного земледелия и повышения продуктивности сельского хозяйства, мобилизация ресурсов для индустриализации страны в целом.

Фактически эта линия, хотя «правые» никогда об этом не говорили, неизбежно ставила вопрос об учете политических интересов буржуазных и мелкобуржуазных слоев в ходе вот такого социалистического строительства.

Таким образом, линия разногласий проходила в области методов решения задач движения к социализму. Потому что никто из лидеров и левой оппозиции и правого уклона не отвергал задачу движения к социализму. Хотя левая оппозиция и заявляла, что в изолированном СССР полноценная победа социализма невозможна, но нужно к социализму двигаться, используя все возможности. Они считали, что конечный успех этого связан только с мировой революцией.

Те методы, которые предлагал для решения вопросов строительства социализма Сталин, свидетельствовали о том, что он твердо намерен строить и построить, вот только что? Социализм ли? Те методы, которые предлагал Сталин для решения, расходились с основами социалистического общества. Поэтому вторая линия политического раскола ВКП(б), связанная с так называемым «большим террором», прошла между верхушкой сталинской фракции и большинством его сторонников. Когда Сталин повел за собой большинство, он говорил этому большинству, что под его руководством в стране будет построен социализм. И даже в 1936 году объявил, что социализм в основном построен. Но для любого думающего человека возникали достаточно очевидные сомнения, в том, что это так. Сталин хотел ликвидировать потенциальных противников не только среди оппозиции, которая к тому моменту уже была разгромлена, если не уничтожена физически, но и в рядах своих сторонников. Он требовал беспрекословного повиновения, что было достигнуто «большим террором». Консолидация большинства с начала 30-х годов подвергалась постоянным вызовам со стороны бывших сторонников Сталина. Он, в конце концов, решил это дело прекратить. И прекратил.

Проблема заключается в том, что при всем принципиальном различии позиций, ни одна из рассматриваемых платформ, не могла обеспечить победу социализма. Ни платформа левой оппозиции, ни платформа Сталина, ни платформа правых.

Ели бы эти программы, что правых, что левых, начали реализовываться на практике, пришлось бы неизбежно в какой-то мере эволюционировать к сталинской поли-

тике. По какой причине?

Бухарин неизбежно столкнулся бы с тем, что крестьянство не желает вращаться в социализм и участвовать в социалистическом строительстве. Если дать ему хозяйственно укрепиться и рождать буржуазные элементы, эти элементы начнут предъявлять не только экономические, но и политические претензии. Что-то с этим надо делать.

Троцкий и сторонники левой оппозиции, которые горели желанием опереться на инициативу и самостоятельность рабочего класса очень скоро убедились бы, что энтузиазм рабочих в организации производства, в контроле хозяйственной деятельности - дело очень полезное и важное, но целиком только на эту опору поставить строительство социализма невозможно. И в этом, кстати говоря, можно было убедиться еще на опыте первых месяцев советской власти. Что-то получается, но в масштабе целой страны - не тянет эта опора. Приходится ставить вторую подпорку в виде бюрократического государственного аппарата. Это не значит, что правая или левая оппозиция, получи они возможность реализовать свои государственные программы, повторили бы сталинскую политику, но определенное сближение было бы неизбежно.

Я делаю вывод, что реализация этих различных моделей разным образом влияла бы на исторические перспективы движения нашей страны к социализму.

Сталинская модель в конечном итоге, будучи успешно реализованной, доказала, что она закрывает путь к социализму. Она решает задачу хозяйственного возрождения страны, она решает многие геополитические задачи, но она закрывает путь к социализму. Это модель, не способная эволюционировать в социалистическом направлении. А вот, что касается той модели, которую предлагала левая оппозиция, то там вопрос дальнейшей социалистической эволюции этой модели оставался открытым. При определенных благоприятных условиях такая эволюция была бы возможной. Хотя этого никто не гарантировал. Вовсе не обязательно, что эти благоприятные условия существовали бы. Тем не менее, ее социалистический потенциал, несомненно, выше, чем потенциал сталинской.

Что же касается программы «правых», я просто думаю, что она, в принципе, не могла быть реализована в том виде, в котором ее предлагал Бухарин. Она бы не удалась.

Славин Б.Ф., д.ф.н., профессор МПГУ, Горбачев-Фонд

Какова же роль Сталина в истории? Я думаю, что ее нельзя связывать только с деятельностью Троцкого. Она определяется общими тенденциями развития советского общества. В нем, на мой взгляд, существовали две основные тенденции. Это не троцкизм и сталинизм, а ленинская демократическая тенденция, с одной стороны,

и авторитарная сталинская тенденция, с другой. Первая пробивала себе дорогу в годы революции, НЭПа, «оттепели» и перестройки, вторая в годы правления Сталина и «в застойные времена».

Конечно, нельзя вести разговор об этих тенденциях вне категории «социализм». Социализм выступал конечной целью всех революционных преобразований. Как же мыслился социализм сразу после Октябрьской революции? Как правило, большевики его отождествляли с коммунистическим обществом. Об этом свидетельствуют многие меры политики «военного коммунизма»: продразверстка, бесплатный транспорт, бесплатные обеды в столовых, бесплатная почта и т.д. Однако по мере создания такого общества стало ясно, что Россия к нему не готова. Особенно это стало ясно после Кронштадтского мятежа с его главным лозунгом «Советы без коммунистов», и тамбовского восстания крестьян, отказавшихся принять политику «продразверстки». Ленин назвал эти события самым большим «национальным кризисом».

В ходе этого кризиса оживились разнообразные противники советской власти, говорившие о провале «большевистского эксперимента» и возвращении назад к до-октябрьским временам. Ленин, признав ошибочность продолжения политики «военного коммунизма», напротив, считал, что власть, полученную в Октябре, нужно использовать более умело и двигаться вперед к социализму с учетом реалий, а не утопических схем. Прежде всего, надо было отказаться от дискредитированных методов «военного коммунизма», и перейти к методам сугубо экономическим и культурным. Это и было, по Ленину, принципиальным изменением «всех прежних взглядов на социализм». Так родилась новая экономическая политика с ее посильным налогом для крестьян, и легализацией рыночных отношений. Эта политика целиком исходила из реальности, т.е. из признания существующей многоукладной экономики. В осмыслении этой реальности со всей силой проявился творческий гений Ленина, призвавшего строить социализм фактически с помощью капитализма. Это была оригинальная диалектическая идея, похожая на один из приемов известной японской борьбы: использовать для победы силы противника.

Не все понимали эту новую политику. Когда появились нэпманы многие коммунисты стали говорить: «За что боролись»? Некоторые из них даже сводили счеты с жизнью, считая, что вожди предали революцию и ее идеалы. (Кстати, нечто подобное наблюдалось и в годы перестройки). В двадцатые годы Ленина называли правым большевиком. Он, в свою очередь, назвал левых противников НЭПа «паникерами». Интересно как реагировал Троцкий на эту ситуацию? Есть его письмо к Ленину, которое я нашел в архиве. Он писал о том, что был на собрании молодежи и там ему задали вопрос: «Мы что, идем к капитализму»? В этой связи, Троцкий просил Ленина публично ответить на данный вопрос. Сам он ответил молодежи так: мы будем строить социализм с помощью капиталистических методов. Этот ответ был близок ленинским взглядам. Новая экономическая политика показала не отказ от социализма, а

более сложное и противоречивое движение к нему.

Сталин в этих новых политических условиях сначала затаился, а потом быстро превратился из сторонника «военного коммунизма» в ярого нэповца. Он стал даже правее Ленина, требуя например, как и Бухарин, полного отказа от монополии на внешнюю торговлю, что, кстати, могло нанести непоправимый ущерб государству. Уже после смерти Ленина, когда левая оппозиция во главе с Троцким потребовала перехода к индустриализации и предложила строить Днепрогэс, он стал насмехаться над этим требованием, как весьма далеким от крестьянских запросов. Однако после разгрома левой оппозиции, он сам неожиданно становится «сверхиндустриализатором».

Как известно, взаимоотношения Ленина и Сталина, после избрания последнего генсеком партии, были конфликтными, порою даже враждебными, и причиной этому являлась ошибочная, если хотите, несоциалистическая политика Сталина. Позднее Сталин говорил, что Ленин не видел у него ни одной принципиальной ошибки, отмечая лишь его грубость. Но это было далеко не так. Ленин принципиально расходился со Сталиным по таким важнейшим политическим вопросам, как создание СССР, монополия внешней торговли, оценка деятельности Рабкрина, отношение к товарищами по партии, интернационализм и др. Именно поэтому он и предлагал в своем «Завещании» сместить его с поста генсека. Но в связи с прогрессирующей болезнью не сумел этого добиться. В итоге Сталин продолжил сосредотачивать в своих руках «необъятную власть».

Однако, как и предвидел Ленин, осторожно пользоваться ею, он не смог. Мало того, он создает собственный тоталитарный режим власти, держащийся с помощью постоянных репрессий. Думаю, на его месте Троцкий был бы, конечно, иным правителем, так как был более талантливым, более марксистски образованным и культурным человеком. Авторитет Троцкого после Октября и Гражданской войны был настолько высок, что многие считали его вторым человеком после Ленина. Это понимал и Сталин, предложив Троцкому сделать политический доклад на XII съезде партии, что было равносильно принятию на себя высшей власти в стране. Но Троцкий отказался от этого. Мало того, вопреки просьбе Ленина, он сказал, что не будет требовать на съезде организационных изменений в руководстве партии, то есть не будет настаивать на смещении Сталина с поста генсека. Здесь, на мой взгляд, он совершил самую большую политическую ошибку в своей жизни. При этом я не исключаю, что он не хотел стать высшим руководителем страны в силу своей еврейской национальности.

В тоже время, Сталин несколько не смущался своей нерусской национальностью. Мало того, поняв, что Троцкий не будет претендовать на высшую власть в стране, он тут же обвинил его в сокрытии от партии последних работ Ленина. Возмущенный

этим Троцкий потребовал создания комиссии для выяснения данного вопроса. В итоге созданная комиссия признала, что Троцкий ничего не утаивал от партии. Тем не менее, Троцкий, хорошо знавший о сути Завещания Ленина, остался главным врагом Сталина. Их противоборство на многие годы определило политическую жизнь страны. Со своей стороны Сталин сделал все, чтобы это Завещание было надолго, вплоть до XX съезда КПСС, скрыто от рядовых членов партии.

Став полновластным хозяином страны, Сталин отказывается от ленинской политики НЭПа, на продолжении которой, в частности, настаивал Бухарин. Вопреки учению Ленина о добровольной кооперации, он проводит насильственную коллективизацию, выкачивая последние ресурсы из деревни для нужд индустриализации. В итоге произошла длительная стагнация сельского хозяйства, не считая голода и трагедии миллионов в эти годы.

Отменив НЭП, Сталин фактически возвратил страну ко временам политики «военного коммунизма». Выдвинув псевдомарксистскую концепцию обострения классово-вой борьбы по мере приближения к социализму, Сталин реализует ее путем ликвидации любых проявлений оппозиционности к его политическому курсу. Одновременно все негативные последствия своих ошибок он перекладывает на других, фабрикуя соответствующие уголовные дела и процессы. Фактически он расправлялся со всеми, кто мешал становлению его абсолютной власти. В итоге были физически уничтожены все члены ленинского политбюро, тысячи ветеранов партии и революции, сотни тысяч часто ни в чём не повинных граждан страны. Характерно, что в репрессивной практике Сталина статья о связи с Троцким стала самой страшной статьёй. Однако Сталин на этом не успокоился, пока с помощью ледоруба в далекой Мексике не расквитался со своим главным противником, предлагавшим совсем иную альтернативу для России. Эта альтернатива была, конечно, лучше и демократичнее, чем тот тоталитарный режим, который создал Сталин. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать его «Преданную революцию» - главную, на мой взгляд, марксистскую работу, написанную после смерти Ленина. В ней он объективно показал, в какое болото может свалиться СССР под руководством Сталина.

Сегодня многие считают, что Сталин был продолжателем дела Ленина. Но нет ничего более далекого от истины. Ленин был лидером Октябрьской революции, создателем советского государства, главным архитектором модели создания социализма в малоразвитой стране. А кем был Сталин? Он был творцом тоталитарного режима власти, своеобразным могильщиком революции и идеи социализма. Его режим имел двойственную природу: с одной стороны он вынужден был сохранять завоевания революции, с другой, он их последовательно подрывал. Более подробно я об этом говорю в статье, публикующейся в данном номере. Как известно, Троцкий хотел осуществить революцию против сталинского режима власти, чтобы сохранить основы социалистического строя, заложенные Октябрем. В этом же русле следует пони-

мать его позицию по отношению к надвигающейся войне с фашистской Германией. Прогнозируя неизбежность этой войны, он предложил всем левым и демократическим силам встать на защиту Советского Союза. По его мнению, в этой войне они будут защищать не режим Сталина, а советский народ и дело Октябрьской революции. Характерно, что именно в это время Сталин обвиняет Троцкого в сговоре с фашизмом, а высшие военные кадры страны в сговоре с Троцким. Итог: уничтожение этих кадров накануне войны. Таким был на деле «гений» Сталина. Военные поражения, смерть и пленение сотен тысяч солдат в начале войны – во многом на его совести.

Некоторые, в том числе сидящие в этом зале считают Сталина творческим деятелем в отличие от доктринера Ленина. На мой взгляд, это глубоко ошибочный взгляд. Напротив, он отличался от Ленина как раз своим доктринерством, присущим всем диктаторам. В теории он свел марксизм к ряду догм, отход от которых считал преступлением. Что касается политической борьбы, то он владел лишь одним ее методом – «секир башка», другие методы он считал «гнилым» либерализмом. В этом смысле, он прямая противоположность Ленина и Троцкого, умевших ценить не только соратников, не только «спецов», но и своих идейных противников, нередко говорящих классовую правду. В этой связи я не думаю, что сталинизм, как репрессивная политика Сталина, был необходимым явлением в истории нашей страны. Нет времени это доказывать: я сделал это в уже упоминавшейся статье.

Мой общий вывод таков: сталинизм нанес незаживающую рану всему мировому левому движению. Не случайно его признают наиболее «эффективным» инструментом в борьбе против марксизма и социализма. Вот почему его нужно вырезать, как раковую опухоль, из этого движения, если мы не хотим его окончательно погубить.

Рудык Э.Н., д.э.н., профессор Академии труда и социальных отношений

Склонен согласиться с выводом А.И. Колганова о том, что реализация мер, предлагаемых лидерами трёх основных течений внутри большевистской партии (И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Н.И. Бухариным), не могла по объективным причинам обеспечить победу социализма в нашей стране. Прежде всего, отсутствие необходимых экономических, социальных и культурных его предпосылок, крах надежд на скорую мировую социалистическую революцию, положение советской России как «осаждённой крепости», преобладание антикапиталистических, но отнюдь не социалистических настроений в крестьянской среде – абсолютно преобладающей в стране.

В создавшихся условиях возможно было только формирование лишь отдельных элементов социализма, нередко в деформированном виде. Дело, главным образом не в личности И.В. Сталина (не снимая с него ответственности за известные всем его ошибки и преступления, заметим, не только его, но и его главных политических оппо-

нентов). Геополитическое положение России, нарастающая угроза войны в условиях крайне неблагоприятного соотношения экономического и военного потенциалов СССР и его потенциальных противников (Англия, Польша, Финляндия и др.) и реальных, в первую очередь, национал-социалистической Германии и её союзников объективно оставляли узкий коридор для действий политического руководства страны во главе Сталина. Они известны: проведение в кратчайшие сроки индустриализации, насильственной коллективизации, перевод народного хозяйства на военные рельсы, создание экономики мобилизационного типа с её известными достоинствами и недостатками и ряд других мер. Подобного рода реформы осуществлялись на основе бюрократической централизации власти в экономике и в политике, Рабочий класс, как верно заметил Колганов, был фактически отстранен от экономической и политической власти. Заметим только, что это произошло ещё при жизни В.И. Ленина.

Сталинское руководство было поставлено перед выбором. Выбор первый. Признать, что Октябрь вынужден решать проблемы не социалистической революции, а, в лучшем случае, антикапиталистической революции, что социалистический эксперимент в отдельно взятой стране, причём не развитой, фактически провалился (оставим в стороне вопрос о политической цене реакции в стране на подобного рода признания). Выбор второй. Строить, а в последствии заявить о построении того, что после смерти Сталина получило название «реальный социализм» с его немалыми достижениями особенно на фоне нынешней российской реальности (неудивительно, что в «протестующей» России популярен Сталин как символ национального сопротивления и не популярен Троцкий. И не только. Портретов Ленина практически также не носят, но это отдельная тема) и поражениями, которые способствовали дискредитации, надеюсь временно, самой идеи социализма.

Дзарасов Р.С., к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН

А. Бузгалин совершенно справедливо видит в Троцком и Сталине персонификацию «двух объективно противоречивых тенденций, порожденных Октябрьской революцией 1917 года». Можно даже сказать больше – они выражают две коренные традиции культурно-исторического развития России.

В самом деле, для русской философии истории общим местом является утверждение о том, что Россия это не Восток и не Запад, а своеобразный Восток-Запад. (Этот культурно-исторический взгляд на промежуточное положение нашей страны вполне соответствует социально-экономическому понятию полу-периферии Валлерстайна.) Ярким подтверждением данного взгляда является история революционного движения в нашей стране.

Основатель русского социализма Герцен взял идею социализма в Европе, но опровергнул он её идею общины, взятую у славянофилов. (Согласно известному высказыванию Герцена, в его время славянофилы и западники подобно двуглавному

орлу смотрели в разные стороны, но сердце у них билось одно.) В дальнейшем произошел раскол русского революционного движения на революционные почвенничество и западничество. Народники считали, что в результате крестьянской революции Россия перейдет к социализму на основе общины, тем самым избежав капитализма. Социал-демократы полагали, что путь к социализму лежит через развитие капитализма европейского типа.

Однако марксисты также раскололись на два крупных лагеря: последовательных западников (меньшевики) и марксистов, впитавших элементы народничества (большевики). В самом деле, меньшевики придерживались концепции двух стадий развития России, когда буржуазно-демократическая революция дает простор развитию капитализма, и лишь закономерный крах последнего вызывает социалистическую революцию. В противовес этому, теории перманентной революции (Троцкий) и перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (Ленин) говорят о невозможности для русской революции остановиться на буржуазно-демократической стадии и неизбежности ее перехода к социалистической фазе. Но ведь это не что иное, как выраженная другими словами мысль народников о невозможности развития капитализма в России. Именно догматическая приверженность меньшевизма ортодоксальному, т.е. европейскому марксизму заставила их верить в революционный потенциал русской буржуазии, и отказать в революционности русскому крестьянству. Именно синтетический, полу-народнический характер большевизма позволил ему допустить, что буржуазия не станет гегемоном буржуазно-демократической революции, а вот крестьянство станет главным союзником рабочих масс. Впрочем, большевизм лишь отчасти впитал народничество, в другой своей части он все же принадлежал европейскому марксизму. Проявилось это в убеждении, что Россия сможет лишь начать социалистическую революцию, победа которой возможна лишь в мировом масштабе, когда к ней присоединится Запад. Возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране такое мировоззрение не допускает. Именно двойственная природа большевизма стала важнейшей предпосылкой его победы. Она же, по-видимому, стала и причиной его последующей трагедии.

После победы русской революции большевизм должен был расколоться. В этом я вижу смысл парадоксального утверждения Виктора Сержа о «поражении в победе русской революции». Троцкий выражал убеждение в том, что судьба социализма в России зависит от судеб мировой революции. Он символизировал европейскую «душу» большевизма. Но мировая революция потерпела поражение, и это объективно выдвигало на первый план азиатскую «душу» большевизма. Ее воплощал Сталин. Его победа над Троцким отразила объективный ход мировой истории, приведшей в 20-е годы к спаду мирового революционного процесса. Когда помощь, ожидавшаяся

от европейского пролетариата, не пришла, растревоженное революцией русское общество неизбежно стало строить новую жизнь на основе своих традиционных ценностей. Выражением триумфа азиатского почвенничества над европейским марксизмом стало «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране».

Однако следует отличать грубую азиатчину Сталина, выражавшего варварские, деспотические традиции нашего общества, от народничества правой оппозиции. На нашем обсуждении, на мой взгляд, проявилась недооценка глубины и оригинальности бухаринского пути к социализму. Говорилось, в частности, что к 1929 г. «НЭП исчерпал себя». Из этого вытекает позиция, разделявшаяся целым рядом выступавших о том, что сталинские репрессии, хоть и являются фактом печальным, но будто были объективно необходимы, чтобы осуществить индустриализацию, без которой страна была бы уничтожена фашизмом. Из этого вытекает, что будто бы Бухарин и Троцкий не понимали необходимости индустриализации. В действительности именно Бухарину и Троцкому принадлежит оригинальная постановка вопроса об индустриализации, о чем я подробнее скажу ниже. А вот сталинский путь «большого скачка» в промышленности, коллективизация и массовый террор не только не ускорили, но, наоборот, резко замедлили индустриализацию.

Альфой и омегой марксистской теории экономического роста является положение о том, что темпы роста определяются пропорциями народного хозяйства. Никто в 20-е годы не выразил этого столь ясно, как Бухарин. В «Заметках экономиста» 1928 г. он писал, что максимизация темпов индустриализации является главной целью, но она не решается простым актом принятия напряженного плана, ибо нельзя построить нынешнюю фабрику из будущих кирпичей. Иными словами, если у вас есть железа, стекла и бетона только на пять заводов, а вы закладываете в план строительство восьми, то в результате вы получите только три. Материалы еще на два завода, которые могли бы быть пущены в срок, будут омертвлены на пяти долгостроях. Опираясь данными отраслевых балансов народного хозяйства о растущем дефиците инвестиционных товаров, Бухарин показал завышение планов капитального строительства на десятки процентов, ведущее к хроническому долгострою, т.е. диспропорциям, инфляции, падению реальной заработной платы, снижению стимулов к качественному труду, и самое главное – к падению темпов индустриализации. Частью проблемы пропорций было соотношение сельского хозяйства и промышленности, имевшее значение, выходившее далеко за пределы только экономической политики. Бухарин понимал, что главным источником накоплений для индустриализации является крестьянское хозяйство. Однако он считал необходимым изымать из крестьянства лишь столько дохода, чтобы не подорвать его накопление и прогрессивный рост. Если все хапнуть сразу, то текущие доходы государства повысятся, но уже на следующий год крестьяне неизбежно сократят посевы. Что делать тогда? Таким образом, Бухарин прекрасно понимал жизненную важность индустриализации. Но, будучи в отличие от

Сталина квалифицированным экономистом, он видел путь к ней в сбалансированности народного хозяйства, дающей максимальные темпы роста именно на том временном горизонте в два мирных десятилетия, которые история отвела стране до начала войны.

Надо считаться с тем, что фактически Бухарин выражал на языке партийной политики обобщенную позицию выдающихся отечественных экономистов 20-х годов. Практически все из них – и эсеры, и меньшевики, и большевики – при всех своих прочих различиях отстаивали НЭП как единство плана и рынка, и видели в этом единстве главное условие эффективной индустриализации. В их работах, в частности, показано, что экономические затруднения второй половины 20-х годов отражали не недостаток инвестиций в тяжелую промышленность, а непропорциональное распределение имевшихся капиталовложений по народному хозяйству. Пресловутые «хозяйственные затруднения» 20-х годов не являлись каким-то фатальным кризисом, а представляли собой проблемы роста, присущие любым динамичным экономикам, и разрешимые путем проб и ошибок. Именно так произошло, когда в 1926 г. нереалистично высокие планы предыдущего года привели к кризису хлебозаготовок и товарному голоду. (По остроумному выражению Каменева: мы собрались регулировать мужика, а мужичок взял да регулинул нас.) Характерно, что срочное понижение планов от максимальных к оптимальным, т.е. приближение к сбалансированности, привело к существенному росту хлебозаготовок и повышению темпов роста промышленности. Во всяком случае, «кризисы НЭПа» были гораздо менее глубокими, чем «хозяйственные затруднения» Запада в 1929-1933 гг. Однако Запад не стал преодолевать свои проблемы путем разрушительных «больших скачков», уничтожения фермерства и массового избияния своих трудящихся и интеллигенции. Вместо этого он адаптировал к своим условиям разумное из нашего опыта именно в те годы, когда мы на пороге войны с упоением придались паранойе самоистребления.

В 20-е годы звучала и критика НЭПа со стороны левых коммунистов, утверждавших, что обогащение крестьянства приведет к реставрации капитализма. Бухарин давал убедительный ответ: в наших руках крупная промышленность, транспорт, налоги, кредит, монополия внешней торговли и другие рычаги. Развивайте кооперацию, поставьте частнику машины по рыночной цене, а кооперации со скидкой, кредитуйте частника по высокому проценту, а кооператив по низкому, установите разные налоги и закупочные цены и т.д., т.е. занимайтесь планированием и регулированием.

Прозвучавшее здесь категорическое утверждение о принципиальной исчерпанности НЭПа к концу 20-х годов звучит для меня странно. Оно предполагает, что перспективным надо признать либо всеохватывающее сталинское планирование, либо свободный рынок *laissez faire*. Между тем, весь 20 век прошел под знаком поиска эффективного соединения рынка и государства: кейнсианство, азиатская модель,

социалистическая ориентация в развивающихся странах, реформы Косыгина. Советский НЭП первым проложил путь в этом направлении, но как часто бывает в нашей истории, воспользовались этим открытием не мы, а более разумные народы, менее склонные терзать себя всякой опричниной. Либеральный теоретик Мизес отверг идею планирования на том основании, что в экономике без свободных цен нет объективного мерилла стоимостных оценок. Бухарин возразил на это, что в советском хозяйстве план опирается на сигналы рынка, а рыночные сделки отражают плановые пропорции. Это был достойный ответ идейному противнику в 20-е годы, но после свертывания НЭПа он потерял силу, и Мизес задним числом (если так можно выразиться) стал прав в этом вопросе. В своей идее об органическом единстве планового и рыночного секторов правые смотрели глубже троцкистов 20-х годов. Теоретик последних Преображенский рассматривал социалистический и капиталистический уклад исключительно как антагонистов. В своей выдающейся, поздней работе «Преданная революция» 1936 г. Троцкий негласно признал правоту Бухарина.¹

Преимущества НЭПа контрастно выступили после его сворачивания. Сталинский «большой скачок» в индустриализации осуществлялся на основе произвольно завышенных темпов, не обоснованных расчетом соответствующих пропорций народного хозяйства. Результатом стало «выполнение» первой пятилетки только на 51% (!), т.е. грубый провал плана, означавший дикие диспропорции народного хозяйства, и соответствующее снижение темпов роста по сравнению с возможными на основе научного (бухаринского) планирования. Без лишнего шума сталинское руководство признало правоту бухаринцев, снизив темпы, заложенные во второй пятилетний план. Он был выполнен уже на 70%, т.е. провален несколько меньше, благодаря чему реальные темпы роста возросли. Именно омертвление экономических ресурсов, небывалое в истории разбазаривание общественно-необходимого труда и поставило насильственную коллективизацию в повестку дня. Изнасиловать и ограбить крестьянство надо было не потому, что без этого якобы нельзя выиграть войну (мысль более чем странная), а потому, что без этого нельзя покрывать текущие диспропорции волюнтаристского планирования. В краткосрочном плане спасая режим, коллективизация разрушила сельское хозяйство, подрывая источники накопления для индустриализации и ослабляя оборону страны. Провальность сталинской стратегии в еще более яркой форме показывает опыт маоистского Китая. Вдохновленный советским

¹ Он писал, что несоциалистическое по своей природе советское общество насилуется исключением рынка по идеологическим мотивам. В результате отсутствия рыночных цен неполноценными становятся деньги и зарплата. Советское хозяйство оказывается способно лишь втридорога копировать западные предприятия, но не может достичь западного качества, неизбежно проигрывая соревнование с капитализмом. Книга Троцкого является обобщенным выражением критической мысли всех внутрипартийных оппозиций.

примером, но исполненный с еще большим варварством «большой скачок» 1950-х годов привел в этой стране к такому нарушению пропорций народного хозяйства, что вызвал массовый голод, унесший жизни 30 (!) миллионов человек. Последовавшая в 1960-е годы «культурная революция» позволила разбить многие «собачьи головы», но не помогла догнать Америку.

Сталин отвечал на критику своей стратегии, что мол индустриализация это не только стекло и бетон, но и наша решимость во что бы то ни стало выполнить план. Лидер одной из групп внутрипартийной оппозиции Мартемьян Рютин справедливо возразил в том духе, что тот, кто призывает нас восполнить недостаток стекла и бетона решимостью выполнить план, занимается не планированием, а бессовестной демагогией.

Не следует сбрасывать со счетов и непомерные морально-политические издержки сталинского курса – разочарование миллионов в стране и за рубежом в светлых идеалах социализма. Оно, в частности, выразилось в малоизвестном и малоизученном факте стремительного роста антисталинских группировок и выступлений против режима в партийной среде, государственном аппарате, армии и спецслужбах. Именно это вызвало массовый безразборный террор. Он имел рациональный смысл – превентивное истребление целых слоев общества, являвшихся носителями социалистических ценностей, и в силу этого, не принявших сталинский «термидор». Последствия «большого скачка» и обусловленного им «большого террора» далеко еще не осмыслены до конца. Среди них: предательство международного коммунизма, позорное отступление перед лицом фашизма в Европе 30-х годов, непомерная цена победы в войне, неспособность конкурировать с западными обществами, наконец, окончательный крах советского строя. По большому счету, именно торжество «азиатского» коммунизма Сталина привело к утрате исторической инициативы нашей страны в борьбе с Западом. Историк Дональд Сассун как-то сказал, что идеал коммунистов был очень высоким, но «нельзя подняться так высоко на крыльях, пропитанных кровью». Это сказано совершенно несправедливо по адресу коммунистов Запада, но было бы совершенно верно в отношении советского сталинизма.

Упрек в адрес Троцкого в недостатке гениальности мне непонятен, а в недостатке героизма кажется несправедливым. Мне кажется, что Троцкий наиболее велик не в момент своего триумфа как вождя русской революции и создателя Красной Армии, а в момент, когда он сам попал в жернова истории. Мало кто повел себя в сходных обстоятельствах с таким же достоинством и стойкостью старого воина. С позиций сегодняшнего дня победа Сталина выглядит именно «мышьиной», как правильно сказано А. Бузгалиным. Историческая правота Троцкого против Сталина доказана крахом СССР.

Причина популярности Сталина и непопулярности Троцкого в нашей стране мне

видится в кризисе идеи и практики социализма в современном мире. Тезис Фукуямы о конце истории, констатирующий упадок универсальных идеологий, альтернативных либерализму, пока не опровергнут ходом истории. В этих условиях антикапиталистическая борьба принимает извращенную форму «столкновения цивилизаций», когда противостояние Западу опирается на почвеннические ценности. Например, исламский экстремизм явно является замещением социалистической ориентации в национально-освободительном движении мусульманских народов. Естественно в таких условиях, что в России доминирует почвенническое, а не западническое противостояние капитализму, обращающееся к своему главному символу 20-го века.

Однако следует отметить и важное отличие сталинизма, свойственного молодежи, не знавшей советской эпохи, от сталинизма старшего поколения. Если для последнего Сталин является символом тоталитарной мощи, «красным императором» («При Сталине был порядок»), то для молодежи это, прежде всего, социальный революционер. В не очень культурном, но возмущенном окружающей действительностью сознании, жертвы террора 30-х это те, кто хотел навязать нашему обществу сегодняшний варварский капитализм. Такова аберрация исторической памяти. Но восхищение Сталиным со стороны молодежи это еще и ее мечта о вожде, который поведет угнетенных в бой против олигархов, взяточников и предателей, и изменит нашу жизнь к лучшему. (Речевка национал-большевиков: «Завершим реформы так: Сталин, Берия, ГУЛАГ!») В искаженном мире молодого сталиниста, Сталин занимает непривычное для него место лидера социальной революции, которое в жизни занимали Ленин и Троцкий. По мере неизбежного краха почвеннических ценностей восприятие революционеров обязательно будет меняться. Чтобы этот день приблизился, необходимо в том числе поддерживать традицию научного осмысления наследия как Троцкого, так и Бухарина.

Сорокин А.А., к.э.н., доцент МЭИ(ТУ), эксперт Фонда «Альтернативы»

Я хотел бы затронуть вопрос, который как-то не прозвучал. О сталинской модели мы говорим, что это был союз с бюрократией и опора на бюрократию, но при этом необходимо помнить, что это был и механизм регулирования бюрократии методом террора. Это, кстати, одна из основ популярности нынешнего низового сталинизма: «Сталина на них нет». Но террор не мог быть постоянным. И это постепенно превратилось в загнивание системы. В позднебрежневские времена, это был уже откровенный маляк. Отсутствовали внутренние механизмы саморазвития. Сталинская модель закрыла не только дорогу к социализму, но и дорогу к долгосрочному социально-экономическому развитию страны. Она не просуществовала и сорока лет. Достижения геополитические, экономические, о которых говорил Колганов А.И., рухнули с распадом СССР. Не совсем я согласен и с Рудыком Э.Н., который предлагает отойти от личностных оценок. Да, курс на ускоренную индустриализацию за счёт аграрного

сектора был неизбежен в любом случае, но механизмы реализации этой стратегии могли значительно различаться. Отличие Сталина и Троцкого в том, что у них были разные горизонты видения проблем. По образованию, по опыту, по старым связям с Европейской социал-демократией у Троцкого было понимание места России и её революции в мировом контексте, их перспектив. У Сталина, как здесь уже говорилось, сильны были черты «азиатчины» и склонность к автаркии. Может он был хороший тактик, но плохой стратег. Вспомним, что Сталин в 1917 году достаточно долго поддерживал Временное правительство, когда уже Ленин выдвинул свои апрельские тезисы. Да и поддержка в начале позиции Бухарина была связана, не только со стремлением удержать власть, но и отсутствием понимания границ НЭПа. Троцкий же смог ещё в 30-е годы пророчески отметить, что «придет время, когда сталинская бюрократия будет менять власть на собственность».

Необходимо также отметить, что сталинская модель давала неоправданно большую потерю человеческого потенциала. Тех же целей можно было добиться с гораздо меньшими жертвами. Я в прошлом году ознакомился с следственным делом своего деда. Это была группа квалифицированных рабочих, машинистов тульского депо, которые в 1936 году были осуждены за антисоветскую агитацию и создание контрреволюционной организации. Многие из них были членами партии, участвовали в рабочем движении ещё до революции. Они публично высказывали недовольство ухудшением материального положения рабочих, условий труда, техники безопасности. Но большинство из них не участвовало даже во внутрипартийной борьбе в 20-е годы. В результате 17 квалифицированных машинистов отправляются в лагеря. Насколько это помогло улучшить работу железной дороги? А сколько таких было среди инженеров, ученых, военных и т.д. Это ведь были люди, которые в большинстве своем не боролись за власть, а многие были просто убежденными сталинистами. Сколько это принесло вреда социально-экономическому развитию страны? Вспомним, что тот же Ленин старался использовать в хозяйственном строительстве не только беспартийных специалистов, но и своих политических противников – меньшевиков, эсеров, кадетов.

Я не думаю, что Троцкий мог бы укрепиться без жестокой внутрипартийной борьбы, даже может быть с элементами репрессии. Но я сомневаюсь, что террор дошел бы до низового уровня, захватив огромные массы невиновных.

Межуев В.М., д.ф.н., профессор, гл.н.с., Институт философии РАН

Хотя для А.В. Бузгалина Троцкий и Сталин – всего лишь символы, в истории действовали все же не символы, а живые люди. Символами они стали в нашей голове. И еще вопрос, что обозначают этими символами – то, что было в действительности, или то, за что мы хотим ее выдать.

Честно говоря, меня несколько раздражает, когда экономисты берутся рассуждать об истории. Во всем они ищут экономическую подоплеку, считая, видимо, что никакой другой в ней просто быть не может. Недавно я слышал Ясина, защищавшего ЕГЭ. И для него образование, как я понял – только вид бизнеса.

Вот и для А.В. Бузгалина вся советская история вращалась вокруг одной лишь экономической оси. Если в чем и расходились Троцкий и Сталин, то только в понимании экономической модели социализма. Надо совсем не чувствовать истории, чтобы утверждать, что именно вопросы экономического строительства социализма развели их по разные стороны. По части экономики Сталин впоследствии многое взял у того же Троцкого. Да и не экономика интересовала его в первую очередь. Сталин столкнулся с Троцким в борьбе за власть, а это совсем другая проблема, весьма далекая от экономики.

Судить о том, кем был Троцкий, сравнивая его со Сталиным, вообще невозможно. Он начал писать о Сталине, находясь в эмиграции, а до того никогда не принимал его всерьез. Он считал Сталина полным ничтожеством, посредственностью, не игравшей в партии никакой заметной и самостоятельной политической и теоретической роли. Очевидно, Троцкий просчитался и не учел, что Сталин силен в другом – в умении плести партийные интриги. Войну с Троцким после смерти Ленина начал Сталин, причем первоначально в союзе с Зиновьевым и Каменевым, не желавшими прихода Троцкого к власти. Понять самого Троцкого можно лишь в сравнении с Лениным. Троцкий, видимо, никогда не считал себя большевиком, и фраза Ленина о том, что большевизм Троцкого можно поставить под сомнение, не случайна. Троцкий, как известно, весьма низко оценивал руководителей большевистской партии, считал их мелкими людьми за исключением Ленина, перед которым искренне преклонялся. Троцкий вообще не считал себя партийным функционером и, по-моему, не очень высоко оценивал роль партий в революционном движении. Он больше видел себя в роли руководителя революционных масс, народного трибуна. Если Ленин в борьбе за власть главную ставку делал на партию, то Троцкий – на революционные массы, организованные в Советы. Он и был организатором и председателем первых Советов. Внутрипартийные споры его мало интересовали. Троцкий – прирожденный революционер, считавший мировую революцию главным делом своей жизни, своим истинным призванием. Талант революционера, способного повести за собой массы, у него, несомненно, был. Его вдохновляли не идейные, а реальные битвы. В период революции такие люди всегда на первом месте, но с наступлением мирного времени они, как правило, уходят на второй план. Хотя революция совершалась под лозунгом «Вся власть Советам!», во главе которых стоял Троцкий, с победой революции и окончанием гражданской войны решающая роль в руководстве страной, естественно, перешла от Советов к партии. Партия как бы подмяла под себя Советы. Наступило время совсем других людей – не революционеров и военных стратегов, а государст-

венных и партийных бюрократов. Со спадом революционной волны политическое поражение Троцкого было исторически предreshено, но цену этому поражению определил Сталин.

Кем же был Сталин? Здесь я, пожалуй, соглашусь со Славиним. Всю суть сталинизма можно выразить в формуле: «социализм – это я». В чисто личном плане Сталин, конечно - полный антипод революционера, признающий в качестве метода руководства страной только собственную и ничем не ограниченную власть. Борьбу за власть он понимал не как борьбу за победу своего класса, партии и даже государства, а как борьбу за личную власть с возможными или предполагаемыми политическими соперниками, даже если они принадлежали к одному с ним лагерю. В такой борьбе он использовал любые средства, не считаясь с нормами и правилами поведения, принятыми даже в собственной среде. Он не признавал никаких соратников, видя во всех только орудие своей власти. Психологически Сталин, конечно, уникален, беспредельная жестокость и властолюбие которого не только поражают, но и представляют собой неразрешимую загадку для нормального человека. Его мышление свободно от предписаний какого-либо «кодекса чести», в нем отчетливо проступают следы врожденной нравственной патологии и уголовного прошлого. Ему неведомо чувство любви к людям, сострадание и милосердие. Сталин, действительно, превосходил всех по масштабам злодейства, на которое был способен, что и стало главной причиной его возвышения в партии, и без него не страдавшей от избытка гуманизма. Был ли он коммунистом? Я в этом сильно сомневаюсь. Коммунизм для него, скорее - только идеологическое прикрытие для утверждения собственной власти. Он легко отказывался от коммунистической риторики, заключая, например, соглашение с Гитлером, распуская III Интернационал, отменяя гимн под тем же названием, уничтожая руководителей зарубежных компартий, возрождая имперскую и великодержавную символику. Мировое коммунистическое движение, как я понимаю, было для него лишь условным обозначением личной преданности ему. Тот не коммунист, кто не видит в нем вождя мирового пролетариата и отца всех народов.

Но сталинизм - это не только массовый террор и ГУЛАГ, с чем его обычно отождествляют, но и созданный Сталиным миф о победившем социализме. Суть этого мифа – в отождествлении социалистической идеи с реальностью. Реальность была выдана за то, чем она никогда не была. Ленину, думаю, в голову не пришло бы называть созданный Сталиным строй с его полуфеодальным принуждением к труду и государственным насилием над личностью социализмом. В конце жизни он, как известно, пришел к выводу, что социализм нельзя построить насильственным путем (посредством насилия можно взять власть, но нельзя построить социализм), что социализм рождается в результате не политической, а культурной революции (частью которой и стал НЭП). Сталин же именно в насилии увидел метод построения социа-

лизма, объявив, что при социализме происходит обострение классовой борьбы. Классовая борьба при социализме – абсолютно антимарксистская и антиленинская идея. Но она и стала идеологическим обоснованием политики репрессий.

Иное дело, что многие поверили в этот миф. Сталинизм, как я его понимаю, есть вера в то, что мы жили при социализме, что никаким другим он быть не может. Многие и сейчас в это верят. Таких людей, независимо от того, как они лично относятся к Сталину, я и называю сталинистами. Возможно, и Сталин верил в построенный им социализм, но почему мы должны верить Сталину? Сталинисты для меня – это те, кто вместе с ним разделяет эту веру. При этом неважно, одобряют они созданный Сталиным режим или нет. Главное, что считают его социалистическим. Пусть одни на этом основании отвергают социализм, а другие защищают сталинизм, в любом случае они – сталинисты, поскольку мыслят по-сталински, верят в то, во что верил он, или только делал вид, что верит.

Сталинизм, таким образом, - не только террор, но и вера. Слепая вера часто влечет за собой террор, а террор, как правило, основывается на вере. Любая авторитарная власть нуждается в вере, но если традиционная власть строилась на вере в Бога, то власть тоталитарная, не будучи наследственной и традиционной, строится на вере в вождя, в его высшую мудрость и справедливость. Вождь заменяет здесь собой Бога. Все сказанное им обретает значение абсолютной истины, не нуждающейся ни в каком доказательстве. Раз вождь сказал, что на дворе социализм, значит, так оно и есть, и спорить тут не о чем. А кто спорит и сомневается, тот враг, а враг, как известно, если не сдается, то его уничтожают. Именно на вере, а не на знании основывается власть вождя (как в племени, так и в государстве). На вере основывалась и власть Сталина. Эта вера давала его безграничной власти необходимую легитимацию, обосновывала и оправдывала ее.

В действительности под видом социализма Сталин воспроизвел традиционную для России систему самовластия, придав ей характер тоталитарной власти. Для того и потребовался новый – не религиозный, а псевдорелигиозный - тип веры, веры не в Бога, а в идею, персонифицированную в образе вождя. Такой идеей и стала идея социализма, проделавшая как бы обратный путь от науки не к утопии даже, а к мифу. То, что было идеей, по велению Сталина стало реальностью. Разумеется, идею надо было для этого несколько подправить подкорректировать, придать ей надлежащий вид. То, что в результате она перестала походить на то, чем была в теории, не беда, на то и «творческое развитие марксизма», хотя в роли творца позволено было выступать опять же только вождю. Да что идея. Сталин был способен в угоду своей власти переписать всю историю. Наука, образование, искусство, все средства информации и печати работали на пропаганду созданного им мифа о самом справедливом, свободном и счастливом обществе, построенном под его водительством в СССР. Убеждали самых непонятливых и сомневающихся, и не обязательно с помо-

щью одной лишь пропаганды, страх за собственную жизнь был не менее веским аргументом.

Неудивительно, что миф сохранился и после того, как был развенчан сам Сталин. Сталин ушел, а миф о победившем социализме остался. Собственно, и после Сталина советская история развивалась под властью того же мифа. Даже в период «оттепели», покончившей с массовым террором и осудившей Сталина за его злодеяния, сталинский миф о построенном социализме продолжал внедряться в массовое сознание. Сталина критиковали не за якобы построенный им социализм, а за допущенные им при его построении перегибы и перекосы. То есть критиковали не созданную им систему, а только создавшую ее личность. Во всяком случае, человек, отождествляющий социализм с тем, что было создано Сталиным, для меня не социалист и не коммунист. Даже если он лично Сталина и не принимает. В современной России социализм может вернуться на политическую сцену, лишь превратившись из мифа о несуществующей реальности в научное знание, относящееся к реальности со всей возможной трезвостью и критичностью. Чтобы оживить идею социализма, ее, как минимум, необходимо освободить от всех наслоений сталинизма и, прежде всего, от веры в то, что она уже была когда-то реализована на практике. Не назад должны смотреть социалисты, а вперед, ибо только там можно увидеть подлинные контуры социализма.

Логинов В.Т., д.и.н., профессор, Российский университет образования

В главном мы более или менее согласны: нельзя понять, а тем более оценить, ни Троцкого, ни Сталина, не анализируя объективные исторические процессы того времени.

Главная ошибка, совершенная после XX съезда состояла в том, что проблему Сталина свели к вопросу о его дурном характере или – пуще того – в историю болезни. Писали даже о том, что Бехтерев поставил диагноз: паранойя. Но это чистейший миф.

Сегодня уровень критики еще более снизился. Обе фигуры превратили в сточные ямы, куда сливают – на Троцкого все «грехи» революции, а на Сталина все «грехи» послереволюционные. Я уж не говорю о писаниях по поводу «сионистских» генов Троцкого или «кавказских» генах Сталина. При таких подходах возможность серьезного анализа блокируется.

Конечно, валить всё на «объективные процессы», оправдывать ими все сугубо прагматические шаги политиков тоже нельзя. Ряд эсеровских теоретиков писали, например, о неизбежности коллективизации, которая, по их мнению, в варварской форме осуществила их идею «социализации» земли. Об этом Сталину писала даже Мария Спиридонова. Когда эсерку Бабину, всю жизнь просидевшую в тюрьмах и Гу-

лаге, спросили: что было бы, если бы к власти пришел Троцкий, она ответила – «то же самое, но, вероятно, поинтеллигентнее». Это, безусловно, уже чистейший детерминизм.

Но нельзя забывать о действительно объективных процессах. Неизбежность «обратной волны» после гигантского революционного прорыва, неизбежность той «самотермидоризации», о которой говорил Ленин, не была достаточно глубоко осознана ни Сталиным, ни Троцким. Ленин действительно считал, что нельзя в крестьянской стране двигаться вперед путем насилия над большинством народа. Итогом этого на десятки лет может стать лишь политика жесточайшего террора. А поднимать уровень «цивилизованности» страны, необходимый для движения к социализму, гораздо продуктивнее на путях «гражданского мира».

Долгие годы, всякий раз, когда поднимался вопрос о перспективах НЭПа, у нас бубнили: история не знает сослагательного наклонения. Чепуха это! Опыт Вьетнама и Китая говорит сегодня о том, что многовариантность исторического развития существует всегда. А уж выбор объективно возможного варианта зачастую зависит от уровня интеллекта тех, кому пришлось выбирать. После смерти Ленина Дэн Сяопина у нас не нашлось.

Науменко Л.К., д.ф.н., профессор

Говоря о Сталине и сталинизме (а также о Троцком и троцкизме) следует, конечно, прежде всего учитывать, что «Сталин» (не И. Джугашвили) – не личность, но знак, символ, эмблема. Чего? – Некоторой объективной конкретно-исторической тенденции, «нужды-потребности», персонифицированной в нем. Понимая это, он и говорил о себе в третьем лице. Грош-цена исторической мысли, если за видимостью, за «культом личности», за «симулякром» она не видит сущности явления – «культа обезличения», если выводит историю из преступных наклонностей и извращенной психики отдельно взятой «персоны». «Сталинская модель» - это коммунизм минус человек, минус личность. Поэтому кощунственно называть Сталина коммунистом и связывать социализм со «сталинизмом». Ни в характере Джугашвили, ни в стратегии и методах «Сталина», ни в доктрине нет ни грана коммунизма как «реального гуманизма». Но «сталинская модель» и советское общество далеко не одно и то же. Этот «тонкий волос» и по сей день некоторые теоретики не только не могут, но не хотят расщепить.

Социализм для Сталина не был целью, он был средством создания мобилизационной машины, способной обеспечить выживание страны в чрезвычайных условиях. Страна десятилетиями находилась на военном положении. Здесь все – и методы, и этика, и эстетика, и стилистика, и быт этой эпохи. «Сталин» - командная функция этой машины. Совместима ли эта функция с демократическими и социалистическими ценностями? Конечно – нет. «На войне как на войне». «Социалистический проект» (и

интернационализм) был если и не отброшен навсегда, то по меньшей мере отсрочен. Война и создала трагически-безвыходную для народа и комфортную для преступных целей и наклонностей ситуацию. Сталин из нее выжал все – и для империи, и для себя. Поэтому тема «социализм и война» - ключевая для всей этой проблематики.

О морали. Амбивалентность ситуации чувствовали и те, кто был в окопах, и те, кто работал в тылу на победу: «Мы за ценой не постоим! А вы?» Проблемы морального выбора встают в предельных ситуациях: быть или не быть! Третьего не дано. А подход с позиции «какова цена?» - подход торгашеский для тех, кто должен жертвовать собой. А вот «командная инстанция», жертвуя не собой, а другими, обязана калькулировать, соотносить затраты с результатами. Здесь калькуляция моральна. Ее-то и не было. «Мы за ценой не постоим» прочитывалось «инстанцией» так: «Бабы еще нарожают». Вот эта щедрость преступна и морально, и юридически, и исторически.

Сурмава А.В., к.п.н., доцент РГГУ

Понятно, что со Сталина и Троцкого мы съехали на проблему, что такое социализм. Конечно, славно было бы, если бы мы располагали таким списочком из скольких-то там пунктов – признаков социализма, с которым мы могли бы сверяться. И такой списочек, как мне подсказывает Алексей Алексеевич Пригарин, есть и он опубликован в последнем Советском Энциклопедическом словаре 90-го года. Вопрос только в том, не устарел ли списочек?

Еще раз, что мы обсуждаем? Мы обсуждаем, как не была реализована идея или как идея реализовалась, но как-то так, кривоватенько? Или мы как исторические материалисты обсуждаем исторический процесс, в котором сознательные идеи и намерения его агентов играли и играют весьма и весьма значительную, но все же не основополагающую роль. Потому что, если мы говорим о французской революции, мы же не говорим о ней в таких терминах, что, де, великая французская революция – это строительство научного руссоизма. И от того, что Дантон с Робеспьером кто-то неправильно реализовали эту программу – строительство научного руссоизма пошло кривь и вкось, пришёл Наполеон и т.д., а вот если бы, не Наполеон, а, скажем, Баррас стал бы диктатором, то меньше бы французских и русских солдат порубили бы друг друга на Бородинском поле?

Природа научного социализма – вот главный вопрос. Мне кажется, тут интересно обратиться к полемике Ленина с Каутским. С идеей последнего о так называемом ультраимпериализме. Мне кажется, что эта каутскианская идея ультраимпериализма прочно сидит у всех у нас в мозгах, что мы вслед за Каутским, а отчасти за ранним Лениным, полагаем, что социализм в пределе – это всего-навсего - одна большая фабрика. Что если история тем или иным путем приведет нас к супермонополизации,

к одной сверхмонополии, то это и будет не что иное как социализм.

Мы говорим сегодня, что Советский Союз – это был не социализм. Это наша принципиальнейшая позиция. Берем ли мы на себя, как социалисты, как марксисты, хотя бы долю вины за то, что происходило в нашей стране после тихого государственного переворота, осуществленного Сталиным в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Или мы должны от этого решительно и публично отмежеваться? Это принципиально и политически, и теоретически. Если мы, марксисты, к террору отношения не имеем, если мы – коммунисты, были вместе с народом – его жертвами, то нам нет необходимости, более того политически вредно вслед за сталинистами пускаться в рассуждения по поводу завышенности оценок масштаба террора. Вопрос о точном числе жертв это вопрос для специальных исторических исследований. Для нас политически важно констатировать, что сталинский террор был направлен против народа, против его отчаянной попытки построить новое справедливое общество, и что этот террор имел беспрецедентно большие масштабы. Пусть сами сталинисты и их современные поклонники сами торгуются с историей, убили ли они в 37 году миллион своих сограждан или на самом деле жертв было «всего-навсего» полмиллиона.

Для нас важнее ответить на вопрос - что мы построили реально? Какую **реальную** историческую задачу выполняла и выполнила великая октябрьская революция? Строительство социализма? Ну, ровно в той же степени, в какой деятели французской революции строили руссоизм, гражданское общество и прочие светлые демократические идеалы.

Что для Маркса было социализмом? Не историческая магия, способная волшебным образом с сегодня на завтра осчастливить человечество, но, прежде всего, способность уменьшить боль и кровь реального исторического процесса развития. Когда мне мой отец, когда мы с ним спорили о Сталине, коллективизации и массовых репрессиях, говорил, что вот зато у нас была индустриализация, я ему возражал: «Прости, а что в других странах не было индустриализации?». Разница между индустриализацией социалистической, если такая возможна, (и об этом надо дискутировать) и индустриализацией абстрактной, то есть просто буржуазной - в человеческой цене, которую за нее приходится платить. При той цене, которую мы заплатили за нашу индустриализацию, гордиться ей нам в качестве социалистов ну никак не приходится. Когда сегодня я слышу реплики о том, что иначе бы нас растоптали и смяли, мы бы не свершили индустриализацию, коллективизацию и прочее, я спрашиваю: «Кого нас?». Мы марксисты, социалисты или мы – русские националисты? Если мы говорим – нас, мы должны четко понять, кого нас? У власти ни в 30-е годы, ни позднее в СССР социалистов не было. Я ничего против русского народа не имею, я сам его часть. Я просто хочу напомнить, какую роль сыграла политика Сталина в приходе к власти в Германии того же Гитлера. Никакой роковой обреченности в приходе нацис-

тов к власти в Германии не было, а, следовательно, оперировать угрозой войны с Германией как аргументом в споре о цене индустриализации, значит вульгарно передегивать исторические факты.

Что, на мой взгляд, произошло? Россия, как страна второй и третьей волны развития капитализма, шла тем же путём, которым шёл весь мир. Я считаю, что Октябрь нельзя отделять ни от Февраля, ни от 1905 года, ни от всего общественного процесса. Революция - это процесс. История французских революций - это не штурм Бастилии, это единый, растянутый едва ли на два столетия процесс. То же относится и к нам. Наша буржуазная революция по французскому календарю находится сегодня где-то в районе 20-х – 30-х годов XIX века, где-то между режимом Наполеона и реставрацией. Как марксисты и социалисты мы должны оценивать то, что происходит сейчас только с одной точки зрения: то, что мы имеем сегодня, этот вариант капитализма, вопрос в том лучше он или хуже для реального движения к коммунизму в сегодняшних условиях. Мы считаем, что, безусловно, лучше, чем террористическая диктатура сверхмонополизированной бюрократической буржуазии, лживо прикрывавшейся нашими коммунистическими лозунгами и знаменами и тем самым отнимавшим у трудящихся не только его настоящее, но и его будущее.

Сталинизм я оцениваю как кровавую разновидность бонапартизма, который, как показывает история, является практически неизбежной фазой, этапом практически всех буржуазных революций. Исторически конкретная форма этого бонапартизма, которая досталась нашей стране, была обусловлена тем, что мы жили не во Франции XIX века, а в России XX-го. Соответственно и сегодня нам «посчастливилось» жить при очередном издании бонапартизма, на этот раз в российской редакции XXI века.

Келле В.Ж., д.ф.н., профессор, гл.н.с., Институт философии РАН

По поводу революционного энтузиазма.

Сталин нигде не говорил, что он тиран. Сталин тоже говорил о демократии, о развитии критики и самокритики, но Сталин организовывал, и поэтому мы можем судить по его делам. А Троцкий только говорил, а когда он что-то пытался делать, был за трудовые армии профсоюзов и т.д. Как же совместить все эти вещи? Как строить какие-то концепции?

Второе насчет путей. Как можно считать, что вообще существует какой-то гладкий путь? Тогда было: либо строить социализм, либо развал, либо тупик и т.д. Разные возможности были, и они всегда есть. Конечно, эти возможности ограничены условиями, средой, уровнем развития. Сейчас, мне кажется, мы можем рассматривать прошлое как-то более спокойно, хотя оно до сих пор существует. Последствия войны и деятельность оппозиций ...Я помню, когда в 30е годы, даже в 40е, в анкетах для коммунистов был пункт: «Участвовал в оппозиции в 20е годы или не участвовал».

Это прошло через партию и всю ее историю. Поэтому были разные возможности, была возможность амнистии прошлого, люди же меняются, рубили с плеча до конца Советской власти. Поэтому это очень сложный вопрос. И такими легкими прениями эту проблему вряд ли можно решить.

Я согласен с тем, что Сталин создатель тоталитарной системы. Системы, которая, существовала под видом социализма.

Теперь хочется сказать некоторые теоретические вещи.

Уже где-то в начале перестройки, а может даже раньше, я задумался над вопросом, что мы многого не решаем из того, что нам завещали основоположники марксизма. Главное, мы не можем освоить связь экономики с производством и инновациями. Мы в течение всей советской власти не смогли наладить связь науки с производством. Роговин говорил, что в 22 году в университете висел лозунг: «Связь науки с производством». До конца Советская власть так и не смогла решить этот вопрос. На 24 съезде партии говорили о соединении научно-технической революции и преимуществ социализма. Ничего не соединили, ничего не получилось. Естественно возникает вопрос: или все-таки мы действительно движемся по тому пути, по которому собирались, или это социальный эксперимент, который останется в истории, будет изучаться и т.д.

В этой связи, идея о том, что дал Ленин? Маркс создал концепцию социализма развитых капиталистических стран. На базе марксизма возникли различные ревизионистские концепции: Бернштейн и т.д. В начале 20 века обстановка в мире коренным образом изменилась. Возникли революционные процессы в отсталых странах. Это была действительно новая историческая эпоха. И Ленина действительно нужно связать не только с тем, что он написал, но и с тем, что он впервые поставил вопрос: «Как быть?», когда поднялись вот эти народы, недоросшие до социализма. И Ленин пытался дать ответ на этот вопрос. В этом состоит особенность ленинизма. Ленинизм вырос на этой базе. Россия как раз попала в эту ситуацию, когда масса взяла в руки власть и старые схемы устройства нового общества в этих условия не работали. Я говорил в моей статье «Партия социального творчества» в «Вопросах философии» о том, что коммунисты, большевики попали в ситуацию, когда они могли идти вперед, сделать что-то позитивное, лишь став партией социального творчества.

Сталин делал все, чтобы партия не стала партией социального творчества. Главная беда или преступление Сталина перед Россией и социализмом, что он создал партию, которая не могла по своему устройству, структуре, партийному сознанию стать партией социального творчества. Потому все новое, что рождалось партией, душилось в самом начале. Не была решена также проблема соотношения теории и практики. Практика, вместо того, чтобы быть источником теории, была для теории тяжелым грузом. Если будет ошибка в теории, значит, будет ошибка на практике, следовательно, ошибаться в теории нельзя. Догма есть догма. Соотношение теории

и практики оказалось перевернутым.

То, что Сталин сделал с коммунистической партией, сделало невозможным построение социализма

Пригарин А.А., к.э.н., политик

Поскольку об этом зашел разговор, то, в качестве лирического отступления, небольшая притча о соотношении искусства и жизни

Великий хан решил создать свой портрет, чтобы увековечить себя. А был он крив на один глаз, однорук и одноног. И вот хан вызвал лучшего художника и отдал ему соответствующий приказ. Через некоторое время художник пришел, и продемонстрировал свое творчество. Хан был изображен красивым, здоровым, зорко глядящим вдаль, примерно как на известной картине «Утро Родины», где Сталин стоит посреди степи, обозревая просторы. Хан посмотрел, разгневался и сказал: «Ты исказил действительность, я в жизни совсем не такой» и приказал отрубить художнику голову. Так погиб романтизм в искусстве. Он позвал следующего и сказал: «Нарисуй меня таким, каким я есть на самом деле». Художник пришел со следующим полотном, где хан изображен абсолютно точно: одноглазым, одноногим и одноруким. Однако хан разгневался еще больше и обвиненный в «очернительстве» второй художник разделил судьбу первого. Третий живописец сделал необходимые выводы. Он изобразил хана в профиль, так что был виден лишь здоровый глаз, сидящим на коне с целой ногой и с висящим на плече щитом, прикрывающим отсутствующую руку. Щедро наградил хан художника. Так родился социалистический реализм.

Вернусь к основной теме. Я поддерживаю тезис, что история вообще не знает, что такое нравственность. И знать не желает и не может. Мы вправе лишь судить о степени нравственности тех или иных исторических персонажей, будь то Сталин, Грозный, Рузвельт или Анри IV, и в связи с тем, как их личные качества повлияли на ход событий в рамках заданной исторической обусловленности. И это отдельная, но чрезвычайно важная и сложная проблема, — по сути это проблема соотношения объективных и субъективных факторов исторического процесса.

Далее, когда мы говорим о сегодняшнем сталинизме, я бы проанализировал по сути дела две разные проблемы, хотя и рядом стоящие. Это сталинистская идеология сегодня, выраженная в речах известных теоретиков сталинизма и феномен того, что я называю «народным сталинизмом» — то, почему Сталин пользуется, именно сегодня, такой широкой популярностью.

Сегодня тот несчастый случай, когда я не согласен с большинством тезисов Бузгалина.

Во-первых, я впервые в жизни услышал что Троцкий был сторонником парламентаризма. К сожалению, каких-либо доказательств Александр Владимирович не при-

вел.

Во-вторых, я совершенно не согласен, что так называемая «правая» бухаринская оппозиция в итоге вела дело к реставрации капитализма. Потому что для меня документ, воплощавший идеи «правых» — первая пятилетка, принятая 16-й партконференцией, которую, через несколько месяцев, Сталин растоптал. В частности, принятая и утвержденная партконференцией программа коллективизации в рамках первой пятилетки предусматривала «решительный рост социалистического сектора в городе и деревне».

По плану предполагалось, что промышленное производство в 1931/1932 хозяйственном году возрастет почти в 2,5 раза по отношению к 1929/1928 году. Преимущественное развитие получала тяжелая промышленность (в том числе машиностроение — в 3,5 раза). Продукция сельского хозяйства должна была увеличиться более чем в полтора раза, национальный доход в целом — в 2 раза.

Достижение этих результатов позволило бы, как предусматривал план, решить одну из важнейших социальных задач: повысить уровень реальных доходов рабочих и служащих на 71 процент, в том числе за счет снижения цен более, чем на 20%, и повышения денежной зарплаты на 45%.

Коренной сдвиг намечался в деле кооперирования крестьянских хозяйств. В 1927 году колхозы, и другие кооперативные формы давали всего 1 процент сельскохозяйственной продукции. По пятилетнему плану, обобществленный сектор должен был занять 17,5% всей посевной площади и давать 15 процентов валовой продукции. Из них 11,4 процента колхозы и остальное — совхозы.

Разве не очевидно, что если бы коллективизация проводилась не судорожными насильственными мерами — за три года, а за одиннадцать лет (три первых пятилетки), — по мере того как крестьянам становились очевидней её преимущества, — то к 1941 году мы бы имели те же 99% обобществления. Но тогда страна не потеряла бы столько человеческих жизней, не пережила бы упадок сельского хозяйства и пришла бы к началу войны более мощной, более подготовленной.

Стремление к еще большему «ускорению», чем позволяли реальные возможности, нанесло тяжелый ущерб не только сельскому хозяйству. Подрыв сырьевой базы пищевой и легкой промышленности привел к тому, что производство продукции в них даже снизилось по сравнению с 1928 годом. Все это предопределило ухудшение жизни и городского населения. Реальные доходы рабочих и служащих не только не возросли на 70 с лишним процентов, как предусматривалось пятилетним планом, они сократились на 20 процентов.

В-третьих, сталинизм родился в конкретных исторических условиях. Жестко централизованная система управления страной была исторически не только обусловлена, а просто неизбежна, другого выхода не было. Она была вызвана полным развалом страны, неграмотностью большинства населения, его не готовностью к самореа-

лизации через властные функции, враждебным окружением и краткостью времени, имевшегося для преодоления отсталости. И совершенно прав Андрей Колганов, когда говорит, что по этому поводу никаких разногласий между Сталиным, Троцким и Бухариным в партии не было. Строго говоря, не Сталин создал эту систему, а система сама рождалась из гущи жизни, из миллионов частных проблем и единственно возможных способов их решений, которые приходилось вырабатывать на всех уровнях власти. Образно говоря, она сложилась из повседневной практики управления и выдвинула Сталина как руководителя, наиболее способного ее развить, укрепить и использовать.

Вот, на мой взгляд, лишь некоторые личные качества Сталина, которые определили его успех в борьбе за власть: абсолютная концентрация всех жизненных интересов и усилий на делах государства, колоссальный интеллект, прославленная «стальная» воля в сочетании с прагматизмом, уверенность, что при соответствующем напряжении можно решить любые задачи, готовность использовать любые средства для достижения поставленных целей. Но эти же качества в определенных условиях превращаются в совсем иные: в волюнтаризм, политическое лицемерие, беспринципность, аморализм, презрение к человеческой жизни.

Так вот, что было бы, если в 1929 году победила линия Бухарина? Конечно все мы, как (простите) Отче наш, помним, что история не знает сослагательного наклонения. Но, полагаю, что эта аксиома не относится к различным вариантам развития внутри объективных исторических обстоятельств. Замечательный по силе воздействия, вошедший мне с детства в плоть и кровь сталинский лозунг «Темпы решают все», на поверку и теоретическую и фактическую оказался куда слабее спокойного принципа, провозглашенного XV съездом: «В вопросе о темпах развития необходимо...исходить не из максимума темпа развития на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития».

Что было в истории дальше, как жила страна под руководством Сталина мы все хорошо знаем. Следует, пожалуй, напомнить, что Сталин ушел из жизни именно тогда, когда исчерпала свои возможности мобилизационная экономика, то есть, выполнив свою историческую задачу.

Для разговора о Троцком времени практически не остается. Замечу только, что Троцкий был человеком своего времени, не менее жестким, чем Сталин, если не более. Такой же была и его политическая линия. Недаром в начале 30-х годов «недобитые» троцкисты радостно приветствовали разгром бухаринцев.

Мне интереснее современные троцкисты. Споры о том, можно ли построить социализм в одной, тем более отсталой стране, сегодня представляются схоластическими, да и самим троцкистам, похоже, стали неинтересными. Современные троцки-

стские (в основном молодежные) течения, на мой взгляд, отличаются от всех прочих двумя параметрами:

Резкой критикой советской практики и советской истории, более жесткой, чем она того заслуживает.

Повторением тезиса о необходимости мировой революции.

Их энергетика, молодой «революционаризм» привносят сегодня изрядную долю перца в «поскучневшее» коммунистическое движение

В целом же я убежден, что пришло время для политической реабилитации Троцкого, признания его заслуг в организации Великого Октября, в создании Красной Армии и руководстве Гражданской войной. И, само собой, укрепление и развитие контактов между всеми левыми коммунистическими течениями и группами.

Истягин Л.Г., д.и.н., гл.н.с., ИМЭМО РАН

Исторически едва ли правомерно противопоставлять друг другу и даже сопоставлять И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого применительно к хронологической фазе Октябрьской революции и даже к большей части гражданской войны, за возможным и частичным исключением периода Брестского мира (январь-март 1918 г.). Сталин не играл сравнимой с Троцким по своим масштабам политической роли и не проявлял себя, хотя этот вопрос еще подлежал бы дополнительному изучению, самостоятельной, оригинальной теоретической фигурой. В сущности вплоть до окончания гражданской войны это – разные величины.

Реально противоречия между сталинизмом и троцкизмом выявились и стали быстро обостряться при появлении прямой опасности термидора с окончанием гражданской войны, в условиях перехода от войны к миру. Как верно отмечено в обоих докладах, конфликт, возникший внутри победившего, но не обладавшего никаким опытом мирного социалистического строительства большевизма, имел объективную природу. Социализм, каким его себе представляло большинство победителей и общественное мнение – как быстрое торжество социальной справедливости и наступление процветания на базе всенародной собственности, всеобщего равенства при ликвидации рыночной конкуренции – оказался только мечтой, сразу ушедшей за далекие горизонты в связи с исчезновением видов на непосредственную мировую революцию.

В этих условиях линия Сталина довольно быстро определилась как курс на максимальное отгораживание страны от мировых процессов, на создание под лозунгом социализма в одной стране обстановки осажденной крепости, на запугивание и репрессирование «классово чуждого» крестьянского большинства населения, на свертывание демократии Советов, а в дальнейшем и на прямой переход к безудержному терроризированию всего и всех. В конечном счёте сталинская модель «национально-го социализма» вела и завела в тупик полной деградации и в любом случае подле-

жала устранению, как оказалось позже весьма затруднительному и отнюдь не полностью эволюционному и мирному.

Из этого не следует, что «мутантный» социализм, построенный в основном по лекалам сталинизма, ограничивался одними негативами. Он не устранил (скорее не смог, чем не захотел устранить) полностью завоевания Революции. Временами И.В. Сталин, как корректно указано в первом из прочитанных докладов, «возвращал к жизни ростки живого социального творчества». Это сказывалось и в области экономики (пафос индустриализма), и в сфере культуры, в областях образования, просвещения, здравоохранения. Наряду с прочим, можно было бы указать и на сферу внешней политики. Внешняя политика в большинстве случаев имела четкий антифашистский и мироутверждающий характер, что потом способствовало победе во Второй мировой войне. Троцкий оказался совершенно неправ в своей критике Коминтерна за якобы допускавшимся последним сползание к пацифизму вместо последовательной классовой борьбы (см. Л. Троцкий. Перманентная революция. - СПб: «Азбука классика», 2009, с. 194-207). В условиях возникновения, а затем и нарастания фашистской опасности сделанный Коминтерном акцент на антивоенной теме был не только правомерен, но и совершенно необходим. В целом же сталинистская модель, с её чудовищными нарушениями прав человека, массовым террором, авторитаризмом и тоталитаризмом, скорее дискредитировала антивоенные силы. Во всяком случае она препятствовала их сплочению, что и делает её в определенной степени ответственной за развязывание войны.

В отличие от сталинистской концепции позиция Троцкого и иных шедших за ним левых в партии и в общественных структурах (главным образом молодежных) строилась на исключении «национального мессианизма», который вел бы «к признанию за собственной страной особых преимуществ и качеств, позволяющих ей будто бы выполнить ту роль, до которой не могут подняться другие страны» (там же с.220). При этом, подтверждая лозунг мировой революции, Троцкий в последних модификациях своей теории перманентной революции (1928-1929гг.) резко перемещал акцент на развитие революционного процесса на Востоке, в особенности в Китае и в Индии. Тем самым дискурс в плотную подводился к возможности перемещения центра мирового революционного развития с пораженного бюрократической проказой Советского Союза в иные страны и регионы.

Можно предположить, что сохранение левыми влиятельных позиций в руководстве партии и государства позволило бы избежать террористических крайностей и бюрократизации, против которых представители этих групп выступали. Но в целом термидорианское перерождение, едва ли случайно сопровождавшее и почти все иные революции в истории, было в целом детерминировано. Оно, вероятно, произошло бы и при той или иной комбинации обоих подходов и даже при обладании

властью представителями второго из них. Это не значит, что в обоих из модельных конструкций не могут найтись положения для творческого, критического использования в иных, в том числе современных условиях. Ностальгия по Сталину и сталинизму, очень понятная при восторжествовавшем в постсоветской России диком капитализме, имеет свои ресурсы и сроки бытия. Они исчерпаемы. Похоже на то, что «левый поворот», наметившийся во многих регионах планеты на почве происходящего экономического кризиса как и общего кризиса империалистической глобализации, повысит общественный интерес к тем или иным компонентам российского левого большевизма, к теориям, политической практике и опыту его лидеров и мыслителей.

Булавка Л.А., д.ф.н., в.н.с., *Российский институт культурологии*

С некоторого времени риторика выступающего перестала быть для меня основанием для определения того, насколько его позиция является сталинистской или антисталинистской. Я знаю немало либералов, которые при всем своем публичном и рьяном поношении Сталина, уже в своих практических действиях объективно исходят из методологии сталинизма. И, наоборот, я знаю тех, кто при всем лояльном отношении к фигуре Сталина, тем не менее, в своей деятельности исходят их методологии антисталинизма. Так что риторика и объективная логика позиции – это далеко не одно и то же.

На мой взгляд, различие между ними проходит по тем трем вопросам, которые являются опорными в методологии сталинизма. Рассмотрим эти три составляющие методологии сталинизма.

Первая. Она связана с проблемой субъекта, а точнее – с проблемой *субъектного бытия*, т.е. такого, при котором человек сам детерминирует его основы. Другими словами, когда сам человек является субъектом самодетерминации своего общественного бытия в полном соответствии со словами - «*Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни цезарь, ни трибун*». Кстати, этот же принцип субъектности является одним из определяющих суть социализма.

Так вот, исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что сталинизм не признает идеи субъектности в принципе. Но как это можно было не признавать, когда вся эпоха 20-х гг. прошлого века была пронизана энтузиазмом социального творчества широких революционных масс, заявивших и не без основания себя в качестве субъекта истории? И с этим фактом нельзя было не считаться. Но методология сталинизма разрешила эту дилемму: она развела объективную логику этого субъектного массового творчества от такой формы ее общественного самосознания, которая позволяла им мыслить себя в качестве творца истории. В итоге положение складывалось таким образом, что трудящиеся, будучи реальным субъектом социалистического созидания, тем не менее, в качестве такового мыслили уже не столько себя, сколько «лично самого Сталина». При этом Сталин рассматривался не столько неким

всеобщим субъектом исторического творчества, сколько его символом, а точнее – символом самого принципа субъектности.

Другими словами, идея субъектного бытия в истории, прочно апробированная конкретной живой практикой революционных преобразований 20-х гг. и являющая себя как практическое воплощение идеи *конкретно-всеобщего*, «благодаря» сталинизму превращается в символ, выражающий значение *общего*, т.е. в мертвую по своему содержанию абстракцию. Надо сказать, что эта трансформация *конкретно-всеобщего* (живой практики) в *общее* (символ) имела и свои объективные предпосылки. В частности, одна из них заключалась в том, что становление индивида как субъекта истории и культуры является результатом длительного исторического развития. Но сталинизм ориентируется не на диалектику этого становления, а на необходимость политического соответствия индивида являть себя таковым.

Говоря иначе, методология сталинизма подменяет действительное развитие субъектности индивида *видимостным* результатом такового. Более того, необходимость этого *видимостного* явления себя как субъекта социального творчества индивиду мняется в качестве некоторого политического императива.

Следует сказать, что идея субъектности объективно всегда была чужда сталинизму, впрочем, как и самому Сталину. Достаточно вспомнить только тот факт, что 22 июня 1941 года - в день начала Великой Отечественной войны Сталин так и не вышел к народу, а по радио, как известно, выступал Молотов. В определенном смысле это была капитуляция «вождя народов» перед принципом субъектного бытия в истории, перед принципом субъектной исторической ответственности.

Более того, неприятие Сталиным принципа субъектности как такового выдают, в том числе, и кадры документального кино, которые запечатлели следы его самосознания себя именно как символа всеобщего субъекта, представляющего весь советский народ. Вот почему в этих кадрах видно, как Сталин *являет* себя в качестве некого всеобщего символа. Кстати, в противопоставлении этому можно вспомнить те же документальные кадры, запечатлевшие образ Ленина, который несет на себе проявления внутреннего всеохватывающего движения той деятельностной логики, которая не оставляет уже места для тех или иных форм самосознания. Неслучайно первая реакция Г. Уэллса на Ленина после встречи с ним была связана с его оценкой как выдающегося ученого огромной и живой мысли.

Так что, разведение друг от друга объективной логики исторического творчества революционных масс и тех форм общественного самосознания, через которые они мыслили себя в качестве его субъекта, как раз и является одним из важнейших моментов методологии сталинизма. В 30-е гг. это одновременно совпадает с процессами развития индустриализации, куда как раз и был выведен из социальной сферы этот созидательный потенциал широких масс, и где он проявился в форме трудового

энтузиазма советской индустриализации. Но господствующие на тот период институты идеологии способствовали тому, чтобы трудящиеся связывали самосознание себя как субъектов этих огромных трудовых преобразований страны не столько со своим именем, сколько с именем Сталина.

Вторая составляющая методологии сталинизма – это отказ от противоречий как основы общественно-исторического развития. Понятие «противоречие» да еще применительно к понятию «социализм» сталинизмом воспринимается главным образом в одном смысле – как «компромат» на советскую систему, а сам автор такого словосочетания как «противоречия социализма» – как «враг народа».

Отчужденность сталинизма от реальной диалектики как метода бытия и познания приводила не к разрешению реальных общественных противоречий, а к их насильственному сворачиванию. В данном случае имеется в виду то, что объективные противоречия, которые неизбежно давали о себе знать в реальности, сначала персонализировались с каким-нибудь конкретным человеком, которым затем объявлялся вредителем социализма, и уже затем к нему применялись политические, а нередко и физические меры воздействия. Можно сказать, что Гулаг – это еще и своего рода памятник беспомощности сталинизма в решении объективных противоречий советской системы.

Наконец, *третья* составляющая методологии сталинизма – это непризнание принципа социального творчества масс. А ведь его сущность, как показала практика 20-х гг., главным образом заключалась в том, что благодаря этому виду деятельности происходило формирование индивида как субъекта истории; более того – осмысление себя таковым.

Итак, все эти три составляющие (отчуждение сталинизма от социального творчества, принципа субъектного бытия и от понимания противоречия как основы развития) как раз и есть суть методологии сталинизма. Эта методология нашла свое полное выражение в сталинских формах соцреализма как «художественного» метода, который являлся превратной формой **творческого соцреализма**. Кстати, это различие, как правило, не видят ни сталинисты, ни современные либералы.

Суть сталинистской модификации соцреализма особенно полно проявилась в создании образа «вождя». Сталинской «соцреализм» предполагает, что художник в своем творчестве отражает образ Сталина не непосредственно таким, каким он его видит, а через свое понимание господствующего на то время художественного канона вождя. Другими словами, творить в согласии с методом сталинского «соцреализма», значит посредством своего творчества давать понять, как ты усвоил тот или иной господствующий художественный канон, т.е. в данном случае то, каким должен изображаться образ вождя.

И если любое произведение искусства, будучи художественной абстракцией, тем не менее, несет в себе *конкретно-всеобщее* содержание, то искусство сталинистско-

го соцреализма – это уже двойная абстракция, т.к. отражает другую абстракцию (канон как общее представление) и потому его содержание есть нечто иное, как *общее*.

В своих ранних работах я как раз и пыталась показать, как методология сталинизма приводила к изменению содержания самого социалистического идеала. В самом общем виде генезис этих изменений был таков: если в 20-е гг. этот идеал существовал в форме **убеждения**, то в сталинский период – уже как **вера**, а в брежневский период – уже как **ритуал** (партийно-идеологический).

Так что, *убеждение – вера- обряд* – эта логика неизбежного распада того остова советской культуры, который утверждал идею субъектного бытия человека и который разламывается изнутри в случае отказа его от своей роли как субъекта истории.

Бугалин А.В.

На самом деле перед нами стоит важный и актуальный вопрос. Можно ли идти к некапиталистическому типу развития среднеразвитой стране, где капитализм ведет к крайней неэффективности и резко отрицательным социальным и гуманитарным результатам.

Можно ли идти среднеразвитой стране, где капитализм ведет вот к таким результатам, а некапиталистический путь развития скорей всего вырождается в реставрацию полуфеодальных тенденций, в сторону социализма, в сторону коммунизма, как пространства культуры. Вот эта проблема актуальна. Перефразирую эту проблему.

Должен ли Уго Чавес и созданная им объединенная социалистическая партия, исходя из уроков, которые мы здесь сформулировали, учитывая отсутствие альтернатив сталинизму, сказать: «Я сдаю страну, ухожу от власти, я предлагаю американским корпорациям вернуться в Венесуэлу, либо я выбираю сталинскую модель». Ростки сталинской модели малы, но они реальны. Страна стоит на развилке. И Куба стоит там же. И то, что происходит и с Кубой, и с Венесуэлой, показывает, что на самом деле однозначная альтернатива, что если страна строит социализм, она маленькая, слаборазвитая, а вокруг капиталистическое окружение, она обречена, на то, что ее завоюют, если она не будет любой ценой вооружаться и драться против, не совсем точна. Вот, я поставил проблему.

Я опубликовал много работ, делал дважды доклад на думском семинаре, доказывая, что альтернативы есть. Аргументировал методологически. Через марксову идею, формального подчинения труда капиталу, и развитие буржуазной системы на неадекватном, материальном, культурном базисе в условиях враждебного окружения. На доиндустриальном базисе, в условиях абсолютно враждебного феодального окружения. При отсутствии достаточных предпосылок капитализм вполне мог развиваться и победил, хотя это был уникальный результат-победа, а в большинстве случаев он потерпел поражение.

Формальное освобождение труда для нашей страны, для страны, которая хочет строить социализм - возможно. Но это будет путь долгий, кривой и мучительный.

Сталин как гениальный прагматик, которому не было альтернатив. Он совершил много преступлений, но любой другой на его месте, должен был бы совершить эти преступления, либо страна погибла бы и ситуация оказалась в тупике. Это типичная постановка вопроса. Хотя я это мнение не разделяю.

Когда в рамках буржуазной экономической системы объясняют, как можно провести модернизацию страны, а ничего из этого не выходит и потом предлагают прямо противоположный путь, выходящий за логику аргументации и его реализуют. В этих условиях, альтернативная сталинской модель была, хотя это была бы переходная модель, включавшая элементы добуржуазных отношений в очень ограниченном виде и изживаемых, включающая элементы буржуазных отношений, включающая элементы социального творчества, развитие культуры как главные тенденции.

Да, НЭП своими методами, сам по себе как таковой должен был бы умереть или вырождаться в капитализм. Задача НЭПа была, по Ленину, из России нэповской, сделать Россию социалистическую. Найти путь, как не при помощи сталинской индустриализации и бюрократического планирования начать постепенно изживать и вытеснять элементы рыночной стихии. И механизм нарастания социально-ориентированного и стратегически выверенного программируемого регулирования, косвенного, с элементами директивного, они достаточно хорошо известны. И проблема Китая не в том, что там тупик, а в том, что там вместо того, чтобы постепенно наращивать элементы царства свободы и адекватные для него экономические механизмы, идут в прямо противоположную сторону.

Я сделал ошибку, когда сказал, что Бухарин - это путь к реставрации правой системы. Бухарин, на самом деле, - это угроза такой реставрации. А путь реставрации – это скорее меньшевики.

Самый сложный и методологический тезис. Есть проблем, которую я хотел как-нибудь обсудить. Есть ли у истории красная нить и зигзаги. Очень короткий пример: раньше или позже строй, основанный на личной зависимости, должен уступить место рыночной экономике, правовому государству и т.д. Раньше или позже добуржуазная система, основанная на личной зависимости, иерархии и т.д. должна уступить буржуазной. Это логика развития. Есть логика развития истории. Раньше или позже мы перейдет к этой системе, есть понимание закона этого перехода. И логика эта, на самом деле, может быть познана. Дальше встает вопрос: как какая страна придет от добуржуазной системы к системе капиталистической? Дальше возникнет множество этих путей. Субъективный фактор будет важнейшим детерминантом, наряду с внешними обстоятельствами, природными, географическими и т.д. Как именно, каким именно путем, какой ценой, какой из социумов, сохранившись или распавшись при этом, придет к этой буржуазной системе. Одни пришли 500 лет назад, другие не мо-

гут прийти до сих пор. На мой взгляд, вопрос - о движении к коммунизму и о том, знаем ли мы, что такое коммунизм, какие признаки. Да, знаем, потом что мы знаем логику развития предыстории, логику развития капитализма, в частности, и можем показать, в каком направлении мы идем. Исходя из этого критерия, в том числе критерии прогресса в этом случае. Мы можем говорить о том, насколько близка к этой красной линии или к этой логике развертывания исторического процесса, та или иная конкретная, экономическая, социальная, политическая, культурная модель, в том числе Советского Союза. Это так сказать отход от красной линии, поворот назад, реверсивное движение в историческом времени – регресс, или прогресс, или вбок, выбор тупиковой модели, которая на самом деле может образовать социум. Поэтому, на самом деле, разговор о сталинской модели - в пользу бедных. Альтернативной истории как фэнтези. Это разговор о понимании закономерности исторического процесса и соотношении их и тех социумов на мой взгляд с реальным конкретным ходом истории той или иной страны. Важен этот момент. Если мы сможем четко и конкретно аргументировать наше понимание логики развертывание исторического процесса генезиса коммунизма, то мы можем сказать - в какой мере, как и почему в Венесуэле возможны такие-то подвиги к социализму, а вот это отступление будет ходом в тупик. И давать более менее ответственные советы, потом нести за них ответственность.

Колганов А.И.

Я не буду опускаться до глобальных обобщений, как предыдущие ораторы, а ограничусь несколькими репликами.

Я бы поостерегся, когда речь идет о теме Ленина и Сталина, ограничиваться только их противопоставлением. Потому что сталинизм, безусловно, в одном, но вырос из него в других отношениях. Этого забывать нельзя.

Почему Сталин совершил крутой поворот от НЭПа в 29 году? Он, что, долго скрывал свою приверженность к военному коммунизму? А в 29 году решился открыться? Я думаю, что дело обстоит иначе. Сталин не был стратегом, он был тактиком, он был эмпириком, он реагировал на ситуацию. Он повернул в 29 году не потому, что он любил военный коммунизм, он был сторонником НЭПа до тех пор, пока НЭП работал. А как только НЭП стал давать сбой, он его отбросил к черту. Когда говорят о том, что линия Бухарина – это была линия Ленина - строить социализм руками капиталистов, в общем, против такой формулировки возразить нечего.

Что Ленин к этому добавлял следующие вещи: когда он говорил о такой задаче. Нас тут некоторые господа, из «Смены вех», толкают под руку и говорят: «Вы тут о социализме болтаете, а на самом деле вы катитесь в капиталистическое болото». И Ленин, что сказал по этому поводу - что это основная и действительная опасность.

Но Бухарин так не рассуждал. Он думал и верил, что мы ее обойдем.

Теперь по поводу социализма и экономики. Честно говоря, я давно уже не смешиваю проблемы социализма и экономические проблемы. На мой взгляд, специфика коммунизма заключается в том, что его характеристика, не есть характеристика экономического строя. И вот здесь, на мой взгляд, Сталин, как между прочим, китайские товарищи, они решают экономические и технические проблемы, но не решают проблемы движения к социализму. Успешно решают экономические и технические проблемы. Если предположить, что Сталин как-то верил в социализм, то он уж точно верил не в марксистский социализм. Он отождествлял социализм с индустриальной модернизацией. А это совершенно не так, потому что индустриальная модернизация отнюдь не равна социализму. Индустриальная модернизация может проходить без всякого социализма. И проблема социализма никоим образом индустриальной модернизацией не решается.

Теперь, кое что, о цене. Конечно, бывают в жизни нации ситуации, когда за ценой стоять нельзя. Когда речь идет о выживании нации, тут нельзя ставить вопрос таким образом, что мы можем пожертвовать 10 миллионами, а 20 – нет. Так вопрос ставиться не может. Но руководитель государства все-таки не может ставить вопрос таким образом: что для решения такой-то задачи придется пожертвовать 10 миллионами человек. Ну, а если и еще 10 миллионами, ну и черт с ним. Наши бабы новых нарожают. Я вам приведу пример, который не связан непосредственно с человеческими жертвами, но который очень хорошо раскрывает логику цены. Руководитель строительства Днепрогэса начинал его строительство со строительства подъездных путей, складов, бетоно-растворного узла, бараков для жилья рабочих, строительства бани и клуба. Его за это «песочили» и «костерили» везде, в том числе, и на всесоюзном совещании строителей. Но в итоге, Днепрогэс был сдан раньше срока. А те, которые исповедовали логику: быстрее, быстрее, быстрее сдавать производственные объекты, они все срывали сроки строительства. Дело в том, что вот эта вот логика - «быстрее продвигаться любой ценой» она преобладала. А мысль заключается в том, что логика движения к социализму любой ценой, оборачивается торможением движения к социализму. И когда вообще ставиться вопрос, что к социализму можно двигаться любой ценой – это означает, что о социализме тут речи не идет.
